

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков

Главы романа, дописанные и переписанные в 1934–1936 годах
30/Х.34.

Дописать раньше, чем умереть!

ОШИБКА ПРОФЕССОРА СТРАВИНСКОГО

В то время как раз, как вели Никанора Ивановича, Иван Бездомный после долгого сна открыл глаза и некоторое время соображал, как он попал в эту необыкновенную комнату с чистейшими белыми стенами, с удивительным ночным столиком, сделанным из какого-то неизвестного светлого металла, и с величественной белой шторой во всю стену.

Иван тряхнул головой, убедился в том, что она не болит, очень отчетливо припомнил страшную смерть Берлиоза, но она не вызвала уже прежнего потрясения. Иван огляделся, увидел в столике кнопку, и вовсе не потому, что в чем-нибудь нуждался, а по своей привычке без надобности трогать предметы позвонил.

Тотчас же перед Иваном предстала толстая женщина в белом халате, нажала кнопку в стене, и штора ушла вверх. Комната сразу посветлела, и за легкой решеткой, отгораживающей окно, увидел Иван чахлый подмосковный бор, понял, что находится за городом.

– Пожалуйте ванну брать, – пригласила женщина, и, словно по волшебству, стена ушла в сторону, и блеснули краны, и взревела где-то вода. Через минуту Иван был гол. Так как Иван придерживался мысли, что мужчине стыдно купаться при женщине, то он ежился и закрывался руками. Женщина заметила это и сделала вид, что не смотрит на поэта.

Теплая вода понравилась поэту, который вообще в прежней своей жизни не мылся почти никогда, и он не удержался, чтобы не заметить с иронией:

– Ишь ты! Как в "национале"!

Толстая женщина на это горделиво ответила:

– Ну, нет, гораздо лучше. За границей нет такой лечебницы. Интуристы каждый день приезжают осматривать.

Иван глянул на нее исподлобья и ответил:

– До чего вы все интуристов любите. А среди них разные попадаются.

Действительно было лучше, чем в "национале", и, когда Ивана после завтрака вели по коридору на осмотр, бедный поэт убедился в том, до чего чист, беззвучен этот коридор.

Одна встреча произошла случайно. Из белых дверей вывели маленькую женщину в белом халатике. Увидев Ивана, она взволновалась, вынула из кармана халатика игрушечный пистолет, навела его на Ивана и вскричала:

– Сознавайся, белобандит!

Иван нахмурился, засопел, а женщина выстрелила губами "Паф!", после чего к ней подбежали и увели ее куда-то за двери.

Иван обиделся.

– На каком основании она назвала меня белобандитом?

Но женщина успокоила Ивана.

– Стоит ли обращать внимание. Она больная. Со всеми так разговаривает. Пожалуйте в кабинет.

В кабинете Иван долго размышлял, как ему поступить. Было три пути. Первый: кинуться на все блестящие инструменты и какие-то откидные стулья и все это поломать. Второй: сейчас же все про Понтия Пилата и ужасного убийцу рассказать и добиться освобождения. Но Иван был человеком с хитрецей и вдруг сообразил, что, пожалуй, скандалом толку не добьешься. Относительно рассказа тоже как-то не было уверенности, что поймут такие тонкие вещи как Понтий Пилат в комбинации с постным маслом таинственным убийством и прочим.

Поэтому Иван избрал третий путь – замкнуться в гордом молчании.

Это ему выполнить не удалось, так как пришлось отвечать на ряд неприятнейших вопросов, вроде такого, например, что не болел ли Иван сифилисом. Иван ответил мрачно "нет" и далее отвечал "да" и "нет", подвергся осмотру и какому-то впрыскиванию и решил дожидаться кого-нибудь главного.

Главного он дождался после завтрака в своей комнате. Иван выпил чаю, без аппетита съел два яйца всмятку.

После этого дверь в его комнату открылась и вошло очень много народу в белых балахонах. Впереди шел, как предводитель, бритый, как актер, человек лет сорока с лишним, с приятными темными глазами и вежливыми манерами.

– Доктор Стравинский, – приветливо сказал бритый, усаживаясь в креслице с колесиками у постели Ивана.

– Вот, профессор, – негромко сказал один из мужчин в белом и подал Иванушкин лист. "Кругом успели исписать", – подумал Иван хмуро.

Тут Стравинский перекинулся несколькими загадочными словами со своими помощниками, причем слух Ивана, не знавшего никакого языка, кроме родного, поразило одно слово, и это слово было "фурибунда". Иван изменился в лице, что-то стукнуло ему в голову и вспомнились вдруг закат на Патриарших и беспокойные вороны.

Стравинский, сколько можно было понять, поставил себе за правило соглашаться со всем, что ему говорили, и все одобрять. По крайней мере, что бы ему ни говорили, он на все со светлым выражением лица отвечал: "Славно! Славно!"

Когда ординаторы перестали бормотать, Стравинский обратился к Ивану:

– Вы – поэт?

– Поэт, – мрачно ответил Иван и вдруг почувствовал необыкновенное отвращение к поэзии и самые стихи свои, которые еще недавно ему очень нравились, вспомнил с неудовольствием. В свою очередь, он спросил Стравинского:

– Вы – профессор?

Стравинский вежливо наклонил голову.

– Вы здесь главный?

Стравинский и на это поклонился, а ординаторы улыбнулись.

– Мне с вами нужно поговорить.

– Я к вашим услугам, – сказал Стравинский.

– Вот что, – заговорил Иван, потирая лоб, – вчера вечером на Патриарших Прудах я встретился с неким таинственным гражданином, который заранее знал о смерти Миши Берлиоза и лично видел Понтия Пилата.

– Пилат... Пилат... это тот, который жил при Христе? – прищурившись на Ивана, спросил Стравинский.

– Тот самый, – подтвердил Иван.

– А кто это Миша Берлиоз? – спросил Стравинский.

– Берлиоза не знаете? – неодобрительно сказал Иван.

Стравинский улыбнулся виновато и сказал:

– Фамилию композитора Берлиоза я слышал...

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Это сообщение сбilo Ивана с толку, потому что он про композитора Берлиоза не слышал...

Опять он потер лоб.

- Композитор Берлиоз, - заговорил Иван, - однофамилец Миши Берлиоза. Миша Берлиоз - известнейший редактор и секретарь Миолита, - сурово оказал Иван.

- Ага, - сказал Стравинский. - Итак, вы говорите, он умер, этот Миша?

- Вчера он попал под трамвай, - веско ответил Иван, - причем этот самый загадочный субъект...

- Знакомый Понтия Пилата? - спросил Стравинский, очевидно, отличавшийся большою понятливостью.

- Именно он, - подтвердил Иван, глядя мрачными глазами на Стравинского, - сказал заранее, что Аннушка разлила постное масло, а он и поскользнулся на Аннушкином масле ровно через час. Как вам это понравится? - многозначительно сказал Иван и прищурился на Стравинского.

Он ожидал большого эффекта, но такого эффекта не последовало, и Стравинский, при полном молчании ординаторов, задал следующий вопрос:

- Виноват, а кто эта Аннушка?

Иван расстроился, и лицо его передернуло.

- Аннушка здесь не важна, - сказал он, нервничая, - черт ее знает, кто она такая! Просто дура какая-то с Садовой улицы! А важно то, что он заранее знал о постном масле. Вы меня понимаете?

- Отлично понимаю, - серьезно сказал Стравинский и коснулся Иванушкина колена, - продолжайте.

- Продолжаю, - сказал Иван, стараясь попасть в тон Стравинскому и чувствуя, что только спокойствие может помочь делу. - Этот страшный тип отнюдь не профессор и не консультант, а убийца и таинственная личность, обладающая необыкновенной силой, и задача заключается в том, чтобы его немедленно арестовать, иначе он натворит неопишуемых бед в Москве.

- Вы хотите помочь его арестовать, я правильно вас понял? - спросил Стравинский.

"Он умен, - подумал Иван, - среди беспартийных иногда попадаются на редкость умные!"

- Мой долг советского подданного его немедленно арестовать, а меня силою задержали здесь! Прошу меня выпустить сейчас же!

- Слушаюсь, - покорно сказал Стравинский, - я вас не держу. Нет никакого смысла задерживать в лечебнице здорового человека, тем более что у меня и мест не хватает. И я немедленно выпущу вас отсюда, если только вы мне скажете, что вы нормальны. Не докажете, а только скажете. Итак, вы нормальны?

Тут наступила полнейшая тишина, и толстая в белом благоговейно посмотрела на профессора, а Иван растерянно еще раз подумал: "Положительно, умен!"

Прежде чем ответить, он, однако, очень подумал и наконец сказал твердо:

- Я нормален.

- Ну, вот и славно! - с облегчением воскликнул Стравинский, - ну, а если так, то будем рассуждать логически. Возьмем ваш вчерашний день.

Тут Стравинский вооружился исписанным Иванушкиным листом.

- В поисках неизвестного человека, который отрекомендовался вам как знакомый

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Понтия Пилата, вы вчера произвели следующие действия.

Стравинский начал загибать длинные пальцы на левой руке, глядя в исписанный лист.

- Прикололи себе к коже груди английской булавкой иконку. Было?

- Было.

- Явились в ресторан со свечкой в руке, в одном белье и в этом ресторане ударили по лицу одного гражданина. После этого вы ударили швейцара. Попав сюда, вы звонили в Кремль и просили прислать стрельцов на мотоциклетах. Затем сделали попытку выбраться в окно и ударили санитаря. Спрашивается: возможно ли при этих условиях кого-либо поймать? Вы человек нормальный и сами ответите - никоим образом. Вы желаете уйти отсюда пожалуйста! Позвольте узнать, куда вы направитесь отсюда?

- В Гепеу, - значительно ответил Иван.

- Непосредственно отсюда?

- Непосредственно, - сказал Иванушка, несколько теряясь под взглядом Стравинского.

- А на квартиру не заедете? - вдруг спросил Стравинский.

- Не заеду, - сказал Иван, - некогда мне тут по квартирам разъезжать. Он улизнет.

- Так! Что же вы скажете в Гепеу в первую голову, так сказать?

- Про Понтия Пилата, - сказал Иван, и глаза его вспыхнули сумрачным огнем.

- Ну, вот и славно! - окончательно покоренный, воскликнул профессор и, обратившись к толстой белой, приказал ей:

- Прасковья Васильевна? Выпишите гражданина Попова в город! Эту комнату не занимать, постельное белье не менять. Через два часа он будет опять здесь: ну, всего доброго, желаю вам успеха в ваших поисках!

С этими словами профессор Стравинский поднялся. За ним поднялись все ординаторы.

- На каком основании я опять буду здесь? - тревожно спросил Иван.

- На том основании, - немедленно усевшись опять, сказал Стравинский, что, как только вы, явившись в кальсонах в Гепеу, скажете, что вы вчера виделись с человеком, который был знаком с Понтием Пилатом, как тотчас вас привезут туда, откуда вы уехали, то есть в эту самую комнату.

- При чем здесь кальсоны? - спросил, смятенно оглядываясь, Иван.

- Главным образом, Понтий Пилат. Но и кальсоны также. Ведь на вас казенное белье, мы его снимем и выдадим вам ваше одеяние. А вы явились к нам в ковбойке и в кальсонах, А домой вы не собирались заехать. Я же вам своих брюк дать не могу, на мне одна пара, А далее последует Пилат. И дело готово!

Тут странное случилось с Иваном. Его воля пропала. Он почувствовал себя слабым и нуждающимся в совете.

- Так что же делать? - спросил он тихо.

- Вот и славно! - отозвался Стравинский. - Это резоннейший вопрос. Зачем вам, спрашивается, самому, встревоженному, изнервничавшемуся человеку, бегать по городу, рассказывать про Понтия Пилата! Вас примут за сумасшедшего! Оставайтесь здесь и спокойно изложите все ваши обвинения против этого человека, которого вы хотите поймать, на бумаге. Ничего нет проще, как переслать этот документ куда следует. И если мы имеем дело с преступлением, как вы говорите, все это

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
разъяснится очень быстро.

- Понял, - твердо сказал Иван, - прошу выдать мне бумагу, чернила и Евангелие.
- Вот и славно! - воскликнул покладистый Стравинский, - Прасковья Васильевна, выдайте, пожалуйста, товарищу Попову бумагу, коротенький карандаш и Евангелие.
- Евангелия у нас нет в библиотеке, - сконфуженно ответила Прасковья Васильевна.
- Напрасно нет, - сказал Стравинский, - нет, нет, а вот, видите, понадобилось. Велите немедленно купить у букинистов.

Тут Стравинский поднялся и обратился к Ивану:

- Попробуйте составить ваше заявление, но не напрягайте мозг. Если не выйдет сегодня, не беда. Выйдет завтра. Поймать всегда успеете, уверяю вас. Возьмите тепловатую ванну. Если станет скучно, позвоните немедленно: придет к вам ординатор, вы с ним поговорите. Вообще, располагайтесь поудобнее, задушевно прибавил Стравинский и сейчас же вышел, а следом за ним, вышла и вся его свита.

ВЕСТИ ИЗ ВЛАДИКАВКАЗА

В это время в кабинете дирекции "кабаре" сидели и, как обычно, занимались делами двое ближайших помощников Степы Лиходеева - финансовый директор Римский и администратор Варенуха.

День тек нормально. Римский сидел за письменным столом и, раздраженно глядя сквозь очки, читал и подписывал какие-то бумаги, а Варенуха то отвечал на бесчисленные телефонные звонки, присаживаясь в мягкое кресло под стареньким, запыленным макетом, то беседовал с посетителями, то и дело открывавшими дверь в кабинет. Среди них побывали: бухгалтер с ведомостью, дирижер в грязном воротничке. С этим дирижером Римский, отличавшийся странной манерой никому и никогда не выдавать денег, поругался из-за какой-то кожи на барабане и сказал:

- Пусть они собственную кожу натягивают на барабан! Нету в смете!

Оскорбленный дирижер ушел, ворча что-то о том, что так он не может работать.

В то время как Римский оскорблял дирижера, Варенуха непрерывно лгал и хамил по телефону, отвечая бесчисленным лицам:

- Все продано! Нет-с, не могу! Не могу! - говорил Варенуха, приставив руку корабликом ко рту.

Но телефон трещал вновь, и вновь Варенуха кричал неприятным гусиным голосом:

- Да!

Приходил какой-то лысый униженный человек и принес скетч. Приходила какая-то накрашенная актриса просить контрамарку - ей отказали.

До часу дня все шло благополучно, но в час Римский стал злиться и нервничать из-за Степы. Тот обещал, что придет немедленно, а, между тем, его не было. А у Римского на столе накопилась большая пачка бумаг, требовавших немедленно Степиной подписи.

Варенуха через каждые пять минут звонил по телефону на квартиру к Степе, которая, кстати сказать, находилась в двух шагах от "Кабаре".

- Безобразие! - ворчал Римский каждый раз, как Варенуха, кладя трубку, говорил:

- Не отвечают. Значит, вышел. Так продолжалось до двух часов дня, и в два часа Римский совершенно остервенился... И в два же часа дверь в кабинет отворилась и вошла женщина в форменной куртке, в тапочках, в юбке, в мужской фуражке, вынула из маленькой сумки на поясе конвертик и сказала:

- Где тут "кабаре"? Распишитесь, "молния".

Варенуха черкнул какую-то закорючку в тетради у женщины и, когда та вышла, вскрыл конвертик. Прочитав написанное, он сказал: "Гм!.." - поднял брови и дал телеграмму Римскому.

В телеграмме было напечатано следующее:

"Владикавказ Москву Кабаре Молнируйте Владикавказ помощнику начальника Масловскому точно ли субъект ночной сорочке брюках блондин носках без сапог признаками психоза явившийся сегодня отделение Владикавказ директор Кабаре Лиходеев Масловский".

- Здорово! - сказал Римский, дернув щекой.

- Лжедимитрий! - сказал Варенуха и тут же, взяв трубку, сказал в нее следующее:

- Дайте телеграф. "Молния". "Владикавказ Помощнику начальника Масловскому Лиходеев Москве Финдиректор Римский".

Независимо от сообщения о владикавказском самозванце принялись разыскивать Степу. Квартира его упорно не отвечала.

Варенуха начал звонить совершенно наобум и зря в разные учреждения. Но, конечно, нигде Степы не нашел.

- Уж не попал ли он, как Берлиоз, под трамвай? - сказал Варенуха.

- А хорошо бы было, - сквозь зубы, чуть слышно буркнул Римский.

Тут принесли колоссальных размеров, ярко расписанную афишу, на которой крупными красными буквами стояло: ВОЛАНД, а ниже черными поменьше: "Сеансы белой магии с полным их разоблачением".

На круглом лице Варенухи выразилось удовольствие, но он не успел как следует полюбоваться афишей, как в дверь вошла та самая женщина, которая принесла первую "молнию", и вручила Варенухе новый конвертик.

Варенуха прочитал "молнию" и свистнул. В "молнии" стояло следующее:

"Умоляю молнируйте Масловскому что я действительно Лиходеев брошенный Воландом Владикавказ Примите меры наблюдения Воландом Лиходеев".

В течение минуты Римский и Варенуха молча, касаясь друг друга лбами, перечитывали телеграмму.

- Да ты же с ним в двенадцать часов разговаривал по телефону? - наконец с недоумением сказал Варенуха.

- Да смешно говорить! - воскликнул Римский, - разговаривал, не разговаривал!.. Да не может он быть во Владикавказе! Это смешно!..

- Он пьян, - сказал Варенуха.

- Кто пьян? - спросил Римский. И дико уставились глазами друг на друга.

Женщина, которая принесла "молнию", вдруг рассердилась.

- Граждане! Расписывайтесь, а потом уж митинги устраивайте!

- Телеграмма-то из Владикавказ? - спросил у женщины Римский.

- Ничего я не знаю, не мое дело, - ответила женщина и удалилась, ворча.

Тут произошло совещание. Варенуха ежесекундно прерывал его восклицаниями:

- Это глупо!

Но сколько он ни кричал: "Это глупо!" - делу это нисколько не помогало.

Несомненно, из Владикавказа телеграфировал какой-то самозванец, но вот что было странно: слово "Воланд" в телеграмме. Откуда же владикавказский негодяй знает о приезде артиста и о связи, существующей между ним и Степой?

- При-ми-те ме-ры, - бормотал Варенуха, мигая вспухшими веками, откуда он о нем знает и зачем меры?.. Это мистификация!

Решили ничего не молниировать в ответ.

Но ровно через пятнадцать минут появилась та же женщина, и Римский с Варенухой даже с мест поднялись навстречу ей.

Женщина вынула из сумки не беленький, а темный листок.

- Это становится интересным, - сказал Варенуха, ставя закорючку в книжке и отпуская злую женщину.

На фотографической бумаге отчетливо чернели писанные строки.

Варенуха без чинов навалился на плечо Римскому.

"Вот доказательство: фотография моего почерка Молнируйте подтверждение личности Масловскому Строжайшее наблюдение Воландом Случае попытки выехать Москвы арестовать Лиходеев".

Варенуха был известен в Москве как администратор, не имеющий себе равных. За двадцать лет своей деятельности он видал всякие виды. Но тут Варенуха почувствовал, что ум его как бы застилает пеленой, и он ничего не произнес, кроме житейской, но нелепой фразы:

- Этого не может быть!

Римский поступил не так. Он поднялся, рывкнул в дверь:

- Никого! - и собственноручно запер эту дверь на ключ.

Затем достал из письменного стола пачку бумаг, начал тщательно сличать букву за буквой залихватские подписи Степы на ведомостях с подписью на фотограмме.

Варенуха, навалившись, жарко дышал в щеку Римскому.

- Это почерк Лиходеева, - наконец выговорил Римский, и Варенуха, глянув ему в лицо, удивился перемене, которая в нем произошла. Римский как будто бы постарел лет на десять. Глаза его в роговой оправе утратили свою колючесть и уверенность, и в них появилась не то что тревога, а даже как будто печаль.

Варенуха проделал все, что делает человек в минуты великого изумления, то есть и по кабинету прошелся, и руки вздымал, как распятый, и выпил целый стакан желтой воды из графина, и восклицал:

- Не понимаю!

Но Римский смотрел не на Варенуху, а в окно и думал. Положение финансового директора "Кабаре" было затруднительное. Нужно было тут же, не сходя с места, представить обыкновенные объяснения для совершенно необыкновенного явления.

Римский зажмурился, представил себе Степу в ночной сорочке влезавшим в Москве сегодня в какой-то сверхбыстроходный аэроплан, представил себе Казбек, покрытый снегом, и тут же эту мысль от себя отогнал. Представил себе, что не Степа сегодня говорил по телефону в Москве, и эту мысль отринул. Представил себе какие-то пьяные шутки при участии почты и телеграфа, фальшивые "молнии", опять - Степу в носках среди бела дня во Владикавказе, и всякое логическое здание в голове у Римского рухнуло, и остались одни черепки.

Ручку двери крутили и дергали, слышно было, как курьерша кричала:

- Нельзя!

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

Варенуха также кричал:

- Нельзя! Заседание!

Когда за дверью стихло. Римский спросил у Варенухи:

- Сколько километров до Владикавказа?

Варенуха ответил:

- Черт его знает! Не помню!.. Да не может он быть во Владикавказе! Помолчали.

- Да, он не может быть во Владикавказе, - отозвался Римский, - но это писано Лиходеевым из Владикавказа.

- Так что же это такое? - даже взвизгнул Варенуха.

- Это непонятное дело, - тихо ответил Римский. Помолчали. Грянул телефон. Варенуха схватил трубку, крикнул в нее: "Да!", потом тотчас "Нет!" - бросил трубку криво на рычаг и спросил:

- Что же делать?

Римский молча снял трубку и сказал:

- Междугородная? Дайте сверхсрочный с Владикавказом.

"Умно!" - подумал Варенуха. Подождали. Римский повесил трубку и сказал:

- Испортился телефон с Владикавказом.

Римский тотчас же опять позвонил и заговорил в трубку, в то же время записывая карандашом сказанное.

- Примите "молнию" Владикавказ Масловскому. Ответ фотограмму 803.

"Сегодня до двенадцати дня Лиходеев был Москве От двенадцати до половины третьего он неизвестно где Почерк подтверждаю Меры наблюдения за указанным фотограмме артистом принимаю Замдиректора Кабаре Римский".

"Умно!" - подумал Варенуха, а сейчас же подумал: "Глупо! Не может он быть во Владикавказе!"

Римский же взял обе "молнии" и фотограмму, положил в конверт, заклеил конверт, надписал "в ОГПУ" и вручил конверт Варенухе со словами:

- Отвези, Василий Васильевич, немедленно. Пусть они разбирают.

"Это очень умно!" - подумал Варенуха и спрятал в портфель таинственный пакет, потом взял трубку и навертел номер Степиной квартиры. Римский насторожился, и Варенуха вдруг замигал и сделал знак свободной рукой.

- Мосье Воланд? - ласково спросил Варенуха. Римский затаил дыхание.

- Да, я, - ответил в трубке Варенухе бас.

- Добрый день, - сказал Варенуха, - говорит администратор "Кабаре" Варенуха.

- Очень приятно, - сказали в трубке, - как ваше здоровье?

- Мерси, - удивляясь иностранной вежливости, ответил Варенуха.

- Мне показалось, - продолжала трубка, - что вы вчера плохо выглядели, и я вам советую никуда сегодня не ходить.

Варенуха дрогнул от удивления, но, оправившись, сказал:

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

- Простите. Что, товарища Лиходеева нет дома?

- Нету, - ответила трубка.

- А, простите, вы не знаете, где он?

- Он поехал кататься на один час за город в автомобиле и сказал, что вернется в "Кабаре".

Варенуха чуть не уронил трубку и замахал рукой встревоженному Римскому.

- Мерси, мерси! - заговорил и закланялся Варенуха, - итак, ваше выступление сегодня в десять часов вечера.

- О да, я помню.

- Всего, всего добренького, - нежно сказал Варенуха и, грянув трубкой, победоносно воскликнул:

- Уехал кататься за город! Никакой не Владикавказ, а с дамой уехал! Вот-с!

- Если это так, то это черт знает что такое! - воскликнул бледный от негодования Римский,

- Все понятно! - ликовал Варенуха, - уехал, надрался и застрял.

- Но "молнии"? - глухо спросил Римский,

- Он же и телеграфирует в пьяном виде, - вскричал Варенуха и вдруг, хлопнув себя по лбу, закричал

- Вспомнил! Вспомнил! В Звенигороде есть трактир "Владикавказ"! Вспомнил! Оттуда он и молнирует!

- Нет, это чересчур! - заговорил озлобленный Римский, - и в конце концов я буду вынужден...

Но Варенуха его перебил.

- А пакет нести?

- Обязательно нести, - ответил Римский.

Тут же открылась дверь и вошла... "Она!" - подумал Римский... И действительно вошла та самая женщина и опять с белым пакетиком.

В телеграмме были слова:

"Спасибо подтверждение Молнией пятьсот Вылетаю Москву Лиходеев".

- Ну, не сук... - вскричал Варенуха, - не переводи! Он с ума сошел!

Но Римский ответил:

- Нет, деньги я переведу.

Варенуха, открыв рот, глядел на Римского, думая, что не Римского видит перед собой.

- Да, помилуй, Григорий Максимович, этот Масловский будет поражен, если там только есть Масловский! Я говорю тебе, что это из трактира!

- Это будет видно часа через два, - сказал Римский, указывая на портфель Варенухи.

Варенуха подчинился своему начальнику и условились так: Варенуха повезет немедленно таинственные телеграммы, а Римский пойдет обедать, после чего оба опять сойдутся в "Кабаре" заблаговременно перед спектаклем, ввиду исключительной

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
важности сегодняшнего вечера.

Варенуха вышел из кабинета, прошелся по коридорам, оглянул подтянувшихся капельдинеров командирским взглядом, зашел и в вешалки, всюду и все нашел в полном порядке, узнал в кассе, что сбор резко пошел вверх с выпуском афиши о белой магии, и наконец заглянул перед самым уходом в свой кабинет.

Лишь только он открыл дверь, как на клеенчатом столе загредел телефон.

- Да! - пронзительно крикнул Варенуха в трубку.

- Товарищ Варенуха? - сказал в телефоне треснувший тенор. - Вот что, вы телеграммы сейчас никуда не носите. А спрячьте их поглубже и никому об них не говорите.

- Кто это говорит? - яростно закричал Варенуха. - Товарищ, прекратите ваши шуточки! Я вас обнаружу! Вы сильно пострадаете!

- Товарищ Варенуха, - сказал все тот же препротивный голос в телефон, вы русский язык понимаете? Не носите никуда телеграммы и Римскому ничего не говорите.

- Вот я сейчас узнаю, по какому номеру вы говорите! - заорал Варенуха и вдруг услышал, что трубку повесили и что никто его больше не слушает.

Тогда Варенуха оставил телефон, нахлобучил кепку, схватил портфель и через боковой выход устремился в летний сад, в который публика выходила во время антрактов из "Кабаре" курить.

Администратор был возбужден и чувствовал, что энергия хлещет из него. Кроме того, его обуревали приятные мысли. Он предвкушал много хорошего; как он сейчас явится куда следует, как возбудит большое внимание, и в голове его зазвучали даже целые отрывки из будущего разговора и какие-то комплименты по его адресу.

"Садитесь, товарищ Варенуха... гм... так вы полагаете, товарищ Варенуха... ага... так...", "Варенуха - свой парень... мы знаем Варенуху... правильно...", и слово "Варенуха" так и прыгало в голове у Варенухи.

Ветер дунул в лицо администратору, и в верхушках лип прошумело. Варенуха поднял голову и увидел, что темнеет. Сильно освежело.

Как ни торопился Варенуха, он все же решил заглянуть по дороге в летнюю уборную, чтобы проверить, исполнили ли монтеры его повеление провести в нее свет.

Мимо только что отстроенного тира по дорожке Варенуха пробежал к зданию, выкрашенному серой краской, с двумя входами и с надписями: "Мужская", "Женская". Варенуха пошел в мужское отделение и, прежде всего, увидел, что пять дней тому назад выкрашенные стены исписаны неплохо сделанными карандашом рисунками половых органов, четверостишиями и отдельными очень употребительными, но почему-то считающимися неприличными, словами. Самое короткое из них было выписано углем большими буквами как раз над сиденьем, и сиденье это было загажено.

- Что же это за народ? - воскликнул Варенуха сам себе и тут же услышал за своим плечом голос:

- Товарищ Варенуха?

Администратор почему-то вздрогнул, оглянулся и увидел перед собой какого-то небольшого толстяка, как показалось Варенухе, с кошачьей мордой и одетого в клетчатое.

- Ну, я, - ответил Варенуха неприязненно, решив, что этот толстяк, конечно, сейчас же попросит у него контрамарку на сегодняшний вечер.

- Ах, вы? Очень приятно, - писклявым голосом сказал котообразный толстяк и вдруг, развернувшись, ударил Варенуху по уху так, что тот слетел с ног и с размаху сел на запачканное сиденье.

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
Удару отозвался второй громовой удар в небе, блеснуло в уборной, и в ту же секунду в крышу ударил ливень. Еще раз блеснуло, и в зловещем свете перед администратором возник второй – маленького роста, но необыкновенно плечистый, рыжий, как огонь, один глаз с бельмом, изо рта клыки. Этот второй, будучи, очевидно, левшой, развернулся с левой руки и съездил сидящего администратора по другому уху. И опять бухнуло в небе и хлынуло сильнее. Крик "караул!" не вышел у Варенухи, потому что перехватило дух.

– Что вы, товарищи... – прошептал совершенно ополоумевший администратор, но тут же сообразил, что слово "товарищи" никак не подходит к двум бандитам, избивающим человека в сортире в центре Москвы, прохрипел "граждане!", сообразил, что и названия граждан эти двое не заслуживают, и тут же получил тяжкий удар от того с бельмом, но уже не по уху, а по середине лица, так что кровь потекла по Варенухиной толстовке.

Тогда темный ужас охватил Варенуху. Ему почудилось, что его убьют. Но его больше не ударили.

– Что у тебя в портфеле, паразит, – пронзительно, перебивая шум грозы, спросил тот, который был похож на кота, – телеграммы?

– Те... телеграммы, – ответил администратор.

– А тебя предупреждали по телефону, чтобы ты не смел никуда их носить?

– Преду... предупре...ждали...дили... – ответил администратор, задыхаясь от ужаса.

– Но ты все-таки потопал? Дай сюда портфель, гад! – прогнусил второй с клыками, одним взмахом выдрал у Варенухи портфель из рук.

– Ах ты, ябедник паршивый! – воскликнул возмущенный тип, похожий на кота, и пронзительно свистнул.

И тут безумный администратор увидел, что стены уборной завертелись вокруг него, потом исчезли, и во мгновение ока он оказался в темноватой и очень хорошо ему знакомой передней Степиной квартиры.

Дверь, ведущая в комнаты, отворилась, и в ней показалась рыжая с горящими глазами голая девица. Она простерла вперед руки и приблизилась к Варенухе. Тот понял, что это самое страшное из того, что с ним случилось, и отшатнулся, и слабо вскрикнул.

Но девица подошла вплотную к Варенухе, положила ладони ему на плечи, и Варенуха почувствовал даже сквозь толстовку, что ладони эти холодны как лед.

– Какой славненький! – тихо сказала девица, – дай, я тебя поцелую!

И тут Варенуха увидел перед самыми своими глазами сверкающие зеленые глаза и окровавленный извивающийся рот. Тогда сознание покинуло Варенуху.

ГРОЗА И РАДУГА

Скудный бор, еще недавно освещенный майским солнцем, был неузнаваем сквозь белую решетку: он помутнел, размазался и растворился. Сплошная пелена воды валила за решеткой. Время от времени ударяло в небо, время от времени лопалось в небо, тогда всю комнату освещало, освещало и листки, которые предгрозовым ветром сдул со стола, и больного в белье, сидящего на кровати.

Иванушка тихо плакал, глядя на смешавшийся бор и отложив огрызок карандаша. Попытки Иванушки сочинить заявление относительно таинственного консультанта не привели ни к чему. Лишь только он получил бумагу и карандаш, он хищно потер руки и тотчас написал на листке начало: "В ОГПУ. Вчера около семи часов вечера я пришел на Патриаршие Пруды с покойным Михаилом Александровичем Берлиозом..."

И сразу же Иван запутался – именно из-за слова "покойный". Выходила какая-то безлепица и бестолочь: как это так с покойным пришел на Патриаршие Пруды? Не ходят покойники! "Еще, действительно, за сумасшедшего примут..." подумал Иван,

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru вычеркнул слово "покойный", написал "с М. А. Берлиозом, который потом попал под трамвай"... не удовлетворился и этим, решил начать с самого сильного, чтобы сразу остановить внимание читающего, написал про кота, сажающегося в трамвай, потом про постное масло, потом вернулся к Понтию Пилату, для вящей убедительности решил весь рассказ изложить полностью, написал, что Пилат шел шаркающей кавалерийской походкой...

Иван перечеркивал написанное, надписывал сверху строк, попытался даже нарисовать страшного консультанта, а когда все перечел и сам ужаснулся, и вот, плакал, слушая, как шумит гроза.

Толстая белая женщина неслышно вошла в комнату, увидела, что поэт плачет, встревожилась, тотчас заявила, что вызовет Сергея Павловича, и прошел час, и уже бора узнать опять нельзя было. Вновь он вырисовался до последнего дерева и расчистилось небо до голубизны, и лежал Иван без слез на спине, и видел сквозь решетку, как, опрокинувшись над бором, в небе рисовалась разноцветная арка.

Сергей Павлович, сделав какой-то укол в плечо Ивану, ушел, попросив разрешения забрать листки, и унес их с собой, уверив, что Иван больше плакать не будет, что это его расстроила гроза, что укол поможет и что все теперь изменится в самом наилучшем смысле.

И точно, оказался прав. Иван и сам не заметил, как слизнуло с неба радугу, как небо это загрузило и потемнело, как бор опять размазался, и вдруг вышла из-за него неполная луна, и бор от этого совсем почернел.

Иван с удовольствием выпил горячего молока, прилег, приятно зевая, и стал думать, причем и сам подивился, до чего изменились его мысли.

Воспоминания об ужасной беззубой бабе, кричавшей про Аннушку, и о черном коте исчезли, а вместо них Иван стал размышлять о том, что, по сути дела, в больнице очень хорошо, что Стравинский очень умен, что воздух, текущий сквозь решетку, сладостен и свеж.

Дом скорби засыпал к одиннадцати часам вечера. В тихих коридорах потухали белые матовые лампы и загорались дежурные слабые голубые ночники. В камерах умолкали и бреды, и шепоты, и только отдельный корпус буйных до утра светился полной беспокойной жизнью. Толстую сменила худенькая, и несколько раз она заглядывала к Ивану, но, убедившись, что он мирно дремлет, перестала его навещать.

Иван же, лежа в сладкой истоме, сквозь полуопущенные веки смотрел и видел в прорезах решетки тихие мирные звезды и думал о том, почему он, собственно, так взволновался из-за того, что Берлиоз попал под трамвай?

- В конечном счете, ну его в болото! - прошептал Иван и сам подивился своему равнодушию и цинизму. - Что я ему, кум или сват? Если как следует провентилировать этот вопрос, то выясняется, что я совершенно не знал покойника. Что мне о нем было известно? Ничего кроме того, что он был лысый, и более ровно ничего.

- Далее, товарищи! - бормотал Иван, - почему я, собственно, взбесился на этого загадочного консультанта на Патриарших, мистика с пустым глазом? К чему вся эта петрушка в ресторане?

- Но, но, но, - вдруг сказал где-то прежний Иван новому Ивану, - а про постное-то масло он знал!

- Об чем, товарищ, разговор? - отвечал новый Иван прежнему, - знать заранее про смерть еще не значит эту смерть причинить! А вот, что самое главное, так это, конечно, Пилат, и Пилата-то я и проморгал! Вместо того чтобы устраивать дикую бузу с криками на Прудах, лучше было бы расспросить досконально про Пилата! А теперь дудки! А я чепухой занялся - важное кушанье, в самом деле, редактор под трамвай попал!

Подремав еще немного, Иван новый ехидно спросил у старого Ивана:

- Так кто же я такой в этом случае?

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru – дурак! – отчетливо сказал бас, не принадлежащий ни одному из Иванов. Иван, почему-то приятно изумившись слову "дурак" и даже хихикнув, открыл глаза, но увидел, что в комнате никого нет, и опять задремал, причем ему показалось, что пальма качает шапкой за решеткой. Иван всмотрелся и разглядел за решеткой человеческую фигуру, поднялся без испуга и слышал, как фигура, погрозив ему пальцем сквозь решетку, прошептала: – Тсс!

БЕЛАЯ МАГИЯ И ЕЕ РАЗОБЛАЧЕНИЕ

Высоко приподнятая над партером сцена "Кабаре" была освещена прожекторами так ярко, что казалось, будто на ней солнечный день.

И на эту сцену маленький человек в дырявом котелке, с грушевидным малиновым носом, в клетчатых штанишках и лакированных ботинках, выехал на двухколесном велосипеде. Выкатившись, он издал победный крик, отчего его велосипед поднялся на дыбы. Проехавшись на заднем колесе, человек перевернулся кверху ногами, на ходу отвинтил заднее колесо и поехал на одном переднем, вертя педали руками. Громадный зал "Кабаре" рассмеялся, и аплодисмент прокатился сверху вниз.

Тут под звуки меланхолического вальса из кулисы выехала толстая блондинка в юбочке, усеянной звездами, на сиденье на конце высочайшей тонкой мачты, под которой имелось только одно маленькое колесо. И блондинка заездила по сцене. Встречаясь с ней, человек издавал приветственные крики и ногой снимал котелок. Затем выехал молодой человек с необыкновенно развитыми мускулами под красным трико и тоже на высокой мачте и тоже заездил по сцене, но не сидя на сиденье, а стоя в нем на руках. И, наконец, малютка со старческим лицом, на крошечной двуколеске, и зашнырял деловито между взрослыми, вызывая раскаты смеха и хлопки.

В заключение вся компания под тревожную дробь барабана подкатилась к самому краю сцены, и в первых рядах испуганно шарахнулись, потому что публике показалось, что компания со своими машинами грохнется в оркестр. Но велосипедисты остановились как раз тогда, когда колеса уже должны были соскользнуть на головы джазбандистам, и с громким воплем соскочили с машин, причем блондинка послала воздушный поцелуй публике. Грохот нескольких тысяч рук потряс здание до купола, занавес пошел и скрыл велосипедистов, зеленые огни в проходах угасли, меж трапециями, как солнца, вспыхнули белые шары. Наступил антракт.

Единственным человеком, которого ни в какой мере не интересовали подвиги велосипедной семьи Рибби, выписанной из Вены, был Григорий Максимович Римский.

Григорий Максимович сидел у себя в кабинете, и если бы кто-либо увидел его в этот момент, поразился бы до глубины души. Никто в Москве никогда не видел Римского расстроенным, а сейчас на Григории Максимовиче буквально не было лица.

Дело в том, что не только Степа не дал больше ничего знать о себе и не явился, но пропал и совершенно бесследно Варенуха.

Что думал о Степе Римский, мы не знаем, но известно, что он думал о Варенухе, и, увы, это было до того неприятно, что Римский сидел бледный и одинокий и по лицу его проходила то и дело судорога.

Когда человек уходит и пропадает, не трудно догадаться, что случилось с ним, и Римский, кусая тонкие губы, бормотал только одно: "Но за что?"

Ему почему-то до ужаса не хотелось звонить по поводу Варенухи, но он все-таки принудил себя и снял трубку. Однако оказалось, что телефон испортился. Вызванный звонком курьер доложил, что испортились все телефоны в "Кабаре". Это, казалось бы, совершенно неувидительное событие почему-то окончательно потрясло Римского, и в глазах у него появилось выражение затравленности.

Когда до слуха финдиректора глухо донесся финальный марш велосипедистов, вошел курьер и доложил, что "они прибыли".

Замдиректора почему-то передернуло, и он пошел за кулисы, чтобы принять гастролера.

В уборную, где поместили иностранного артиста, под разными предлогами

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru заглядывали разные лица. В душном коридоре, где уже начали трещать сигнальные звонки, шныряли фокусники в халатах с веерами, конькобежец в белой вязанке, прошел какой-то бледный в смокинге, бритый, мелькали пожарные.

Прибывшая знаменитость поразила всех, во-первых, своим невиданным по покрою и добротности материала фраком, во-вторых, тем, что был в черной маске, и, в-третьих, своими спутниками. Их было двое: один длинный, тонкий, в клетчатых брючонках и в треснувшем пенсне. Короче говоря, тот самый Коровьев, которого в одну секунду узнал бы товарищ Босой, но товарищ Босой, к сожалению, в "кабаре" быть никак не мог в это время. И второй был невероятных размеров черный кот, который как вошел, так и сел непринужденно на диван, щурясь на ослепительные огни гримировальных ламп.

В уборной толкалось много народу; был маленький помощник режиссера в кургузом пиджачке, чревоушательница, пришедшая под тем предлогом, что ей нужно взять пудру, курьер и еще кто-то.

Римский с большим принуждением пожал руку магу, а длинный и развязный и сам поздоровался с Римским, отрекомендовавшись так; "ихний помощник".

Римский очень принужденно осведомился у артиста о том, где его аппаратура, и получил глухой ответ сквозь маску:

- Мы работаем без аппаратуры...

- Наша аппаратура, товарищ драгоценный, - ввязался тут же клетчатый помощник, - вот она. При нас! Эйн, цвей, дрей! - И тут наглец, повертев узловатыми пальцами перед глазами отшатнувшегося Римского, вытащил внезапно из-за уха кота собственные золотые Римского часы, которые были у него до этого в кармане под застегнутым пиджаком, с прудетой в петлю цепочкой.

Кругом ахнули, и заглядывавший в дверь портной крякнул.

Тут затрещал последний сигнал, и под треск этот кот отмочил штуку, которая была почище номера с часами. Именно он прыгнул на подзеркальный стол, лапой снял пробку с графина, налил воды в стакан и выпил ее, после чего пробку водрузил на место. Тут даже никто не ахнул, а только рты раскрыли, и в дверях кто-то шепнул:

- Ай! Класс!

Через минуту шары в зале погасли, загорелись зеленые надписи "выход", и в освещенной щели голубой завесы предстал толстый, веселый, как дитя, человек в помятом фраке и несвежем белье. Видно было, что публика в партере, узнав в вышедшем известного конферансье Чембукчи, нахмурилась.

- Итак, граждане, - заговорил Чембукчи, улыбаясь, - сейчас перед вами выступит знаменитый иностранный маг герр Воланд. Ну, мы-то с вами понимаем, - хитро подмигнув публике, продолжал Чембукчи, - что никакой белой магии на самом деле в природе не существует. Просто мосье Воланд в высокой степени владеет техникой фокуса. Ну, а тут двух мнений быть не может! Мы все, начиная от любого уважаемого посетителя галерки и вплоть до почтеннейшего Аркадия Аполлоновича, - и здесь Чембукчи послал ручкой привет в ложу, где сидел с тремя дамами заведующий акустикой московских капитальных театров Аркадий Аполлонович Семплеяров, - все, как один, за овладение техникой и против всякой магии! Итак, попросим мистера Воланда!

Произнеся всю эту ахинею, Чембукчи отступил на шаг, сцепил обе ладони и стал махать ими в прорез занавеса, каковой и разошелся в обе стороны. Публике выход Воланда с его помощниками очень понравился.

Замаскированного великана, клетчатого помощника и кота встретили аплодисментами.

Коровьев раскланялся с публикой, а Воланд не шевельнулся.

- Кресло мне, - негромко сказал Воланд, и в ту же минуту неизвестно кем и каким образом на сцене появилось кресло.

Слышно было, как вздохнула публика, а затем наступила тишина.

Дальнейшее поведение артистов поразило публику еще более, чем появление кресла из воздуха.

Развалившись на полинявшей подушке, знаменитый артист не спешил ничего показывать, а оглядывал публику, машинально покручивая ухо черного кота, приютившегося на ручке кресла.

Наконец послышались слова Воланда:

- Скажи мне, рыцарь, - очень негромко осведомился он у клетчатого гаера, который стоял, развязно опершись на спинку кресла, - это и есть московское народонаселение?

- Точно так, - почтительно ответил клетчатый циркач.

- Так... так... так... - загадочно протянул Воланд, - я, надо признаться, давненько не видел москвичей... Надо сказать, что внешне они сильно изменились, как и сам город... Появились эти... трамваи, автомобили...

Публика внимательно слушала, полагая, что это прелюдия к магическим фокусам.

Между кулисами мелькнуло бледное лицо Римского среди лиц артистов.

На физиономии у Чембукчи, приютившегося сбоку одного занавеса, мелькнуло выражение некоторого недоумения, и он чуть-чуть приподнял бровь. Воспользовавшись паузой, он вступил со словами:

- Иностранный артист выражает свое восхищение Москвой, которая значительно выросла в техническом отношении, а равно также и москвичами, приятно улыбаясь, проговорил Чембукчи, профессионально потирая руки.

Тут Воланд, клоун и кот повернули головы в сторону конферансье.

- Разве я выразил восхищение? - спросил артист у клетчатого.

- Нет, мессир, вы никакого восхищения не выражали, - доложил клетчатый помощник.

- Так... что же он говорит?

- А он просто соврал, - звучно сказал клетчатый и, повернувшись к Чембукчи, прибавил:

- Поздравляю вас, соврамши!

На галерее рассмеялись, а Чембукчи вздрогнул и выпучил глаза.

- Но меня, конечно, не столько интересуют эти автобусы, телефоны и... прочая...

- Мерзость! - подсказал клетчатый угодливо.

- Совершенно верно, благодарю, - отозвался артист, - сколько более важный вопрос: изменились ли эти горожане внутренне, э?

- Важнейший вопрос, мессир, - озабоченно отозвался клетчатый.

В кулисах стали переглядываться, пожимать плечами, но, как бы отгадав тревогу за кулисами, артист сказал снисходительно:

- Ну, мы заговорились, однако, дорогой Фагот, а публика ждет от нас чудес белой магии. Покажи им что-нибудь простенькое.

Тут зал шевельнулся, и пять тысяч глаз сосредоточились на клетчатом. А тот щелкнул пальцами, залихватски крикнул:

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
- Три, четыре!..

Тотчас поймал из воздуха атласную колоду карт, стасовал ее и лентой пустил через сцену.

Кот немедленно поймал колоду, в свою очередь стасовал ее, соскочил с кресла, встал на задние лапы и обратно выпустил ее к клетчатому. Атласная лента фыркнула, клетчатый раскрыл рот, как птенец, и всю ее, карту за картой, заглотал.

Даже аплодисмента не было, настолько кот поразил публику.

- Класс! - воскликнули за кулисами. А фагот указал пальцем в партер и сказал:

- Колода эта таперча, уважаемые граждане, в седьмом ряду, место семнадцатое, в кармане.

В партере зашевелились, и затем какой-то гражданин, пунцовый от смущения, извлек из кармана колоду и застенчиво тыкал ею в воздух, не зная, куда ее девать.

- Пусть она останется у вас на память, гражданин Парчевский, - козлиным голосом прокричал фагот, - вы не зря говорили вчера, что без покера жизнь в Москве несносна.

Тот, фамилия которого действительно была Парчевский, вытаращил глаза и колоду положил на колени.

- Стара штука! - раздался голос с галерки, - они уговорились!

- Вы полагаете? - отозвался фагот, - в таком случае она у вас в кармане!

На галерке произошло движение, послышался радостный голос:

- Черwonцы!

Головы поднялись кверху. Какой-то смятенный гражданин на галерке обнаружил у себя в кармане пачку, перевязанную банковским способом, с надписью "Одна тысяча рублей". Соседи навалились на него, а он начал ковырять пачку пальцем, стараясь дознаться, настоящие это черwonцы или какие-нибудь волшебные.

- Истинный Бог, черwonцы! - заорали на галерке.

- Сыграйте со мной в такую колоду! - весело попросил женский голос в ложе.

- А век плезиp, медам, - отозвался клетчатый и крикнул:

- Прошу глядеть в потолок!

Головы поднялись, фагот рявкнул:

- Пли!

В руке у него сверкнуло, бухнул выстрел, и тотчас из-под купола, ныряя между нитями подтянутых трапедий, начали падать в партер белые бумажки. Они вертелись, их разносило в стороны, забивало на галерею, откидывало и в оркестр, и в ложи, и на сцену.

Через несколько секунд бумажки, дождь которых все густел, достигли кресел, и немедленно зрители стали их ловить. Сперва веселье, а затем недоумение разлилось по всему театру. Сотни рук поднялись к лампам и на бумажках (увидели) самые праведные, самые несомненные водяные знаки. Запах также не оставлял ни малейших сомнений: это был единственный, лучший в мире и ни с чем не сравнимый запах только что отпечатанных денег. Слово "черwonцы! черwonцы!" загудело в театре, послышался смех, вскрики "ах, ах", зрители вскакивали, откидывали спинки, ползали в проходах.

Эффект, вызванный фокусом белой магии, был ни с чем не сравним. На лицах милиции в проходах выразилось смятение, из кулис без церемоний стали высовываться

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru артисты. На галерее вдруг послышался голос: "Да ты не толкайся! Я тебя сам так толкну!" и грянула плюха, произошла возня, видно было, как кого-то повлекли с галереи. На лицо Чембукчи было страшно глянуть. Он круглыми глазами глядел то на вертящиеся бумажки, то на замаскированного артиста в кресле, то старался диким взором поймать за кулисами Римского, то в ложе взгляд Аркадия Аполлоновича.

Трое молодых людей из партера, плечистые, в так называемых пуловерах под пиджаками, нахватав падающих денег, вдруг бесшумно смылись из партера, как будто по важной и срочной надобности.

В довершение смятения дирижер, дико оглянувшись, взмахнул палочкой, и тотчас оркестр заиграл, а мужской голос ни к селу ни к городу запел: "У самовара я и моя Маша!" Возбуждение от этого усилилось, и неизвестно, чем бы это все кончилось, если бы кот вдруг не дунул с силой в воздух, отчего червонный снег прекратился.

Публика мяла и смотрела на свет бумажки, охала, разочарованно глядела вверх, глаза у всех сияли.

Тут только Чембукчи нашел в себе силы и шевельнулся. Стараясь овладеть собой, он потер руки и звучным голосом заговорил:

- Итак, товарищи, мы с вами сейчас видели так называемый случай массового гипноза. Научный опыт, как нельзя лучше доказывающий, что никаких чудес не существует. Итак, попросим мосье Воланда разоблачить нам этот опыт. Сейчас, граждане, вы увидите, как эти якобы денежные бумажки, что у вас в руках, исчезнут так же внезапно, как и появились!

Тут он зааплодировал, но в совершенном одиночестве. На лице конферансье сохранял при этом выражение уверенности, но в глазах этой уверенности не было и даже выразалась мольба. Публике его речь не понравилась, наступило молчание, которое было прервано клетчатым фаготом.

- Это так называемый случай вранья, - заявил он своим козлиным тенором, - бумажки, граждане, настоящие!

- Bravo! - восторженно крикнули на галерке.

- Между прочим, этот, - тут клетчатый нахал указал на бледного Чембукчи, - мне надоел, суется все время, ложными замечаниями портит сеанс. Что бы с ним такое сделать?

- Голову ему оторвать! - крикнул злобно какой-то мужчина.

- О? Идея! - воскликнул фагот, и тут произошла невиданная вещь. Шерсть на черном коте встала дыбом, и он раздирающе мякнул. Затем прыгнул, как тигр, прямо на грудь к несчастному Чембукчи и пухлыми лапами вцепился в его жидкую шевелюру, в два поворота влево и вправо - и кот, при мертвом молчании театра, сорвал голову Чембукчи с пухлой шеи.

Две с половиной тысячи человек, как один, вскрикнули. Песня про самовар и Машу прекратилась.

Безглавое тело нелепо загребло ногами и село на пол. Кровь потоками побежала по засаленному фраку.

Кот передал голову фаготу, тот за волосы поднял ее и показал публике, и голова вдруг плаксиво на весь театр крикнула:

- Доктора!

В партере послышались истерические крики женщин, а на галерке грянул хохот.

- Ты будешь нести околесину в другой раз? - сурово спросил клетчатый.

- Не буду, - ответила, плача, голова.

- Ради Христа, не мучьте его! - вдруг на весь театр прозвучал женский голос в

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
партере, и видно было, как замаскированный повернул в сторону голоса лицо.

- Так что же, граждане, простить, что ли, его? - спросил клетчатый у публики.

- Простить! Простить! - раздалось вначале отдельные и преимущественно женские голоса, а затем они слились в дружный хор вместе с мужскими.

- Что же, все в порядке, - тихо, сквозь зубы, проговорил замаскированный, - алчны, как и прежде, но милосердие не вытравлено вовсе уж из их сердец. И то хорошо.

И громко сказал:

- Наденьте голову!

Кот с клетчатым во мгновение ока нахлобучили голову на окровавленную шею, и голова эта, к общему потрясению, прочно и крепко села на место, как будто никогда и не отлучалась. Клетчатый мгновенно нахватал из воздуха червонцев, сунул их в руку бессмысленно улыбавшемуся Чембукчи, подпихнул его в спину и со словами:

- Катитесь отсюда, без вас веселей! - выпроводил его со сцены.

Чембукчи, все так же безумно улыбаясь, дошел только до пожарного поста и возле него упал в обморок.

К нему кинулись, в том числе Римский, лицо которого было буквально страшно.

Пока окружавшие Чембукчи смотрели, как растерянный доктор совал в нос бедному конферансье склянку с нашатырным спиртом, клетчатый фагот отпорол новую штуку, которая вызвала неопиcуемый восторг в театре, объявив:

- Таперича, граждане, мы открываем магазин!

Клетчатый вдруг всю сцену осветил разноцветными огнями, и публика увидела ослепительные дамские платья разных цветов, отражающиеся в громадных зеркалах, опять-таки неизвестно откуда взявшихся.

Сладко ухмыляясь, клетчатый объявил, что производит обмен старых дамских платьев на парижские модели и притом совершенно бесплатно.

Колебание продолжалось около минуты, пока какая-то хорошенькая и полная блондинка, улыбаясь улыбкой, которая показывала, что ей наплевать, не последовала из партера по боковому трапу на сцену.

- Bravo! - вскричал фагот и тут же развернул широчайший черный плащ, блондинка скрылась за ним, из-за плаща вылетело прежнее блондинкино платье, которое подхватил кот, и эта блондинка вдруг вышла в таком туалете, что в публике прокатился вздох, и через секунду на сцене оказалось около десятка женщин.

- Я не позволяю тебе! - послышался придушенный мужской голос в партере.

- Дурак, деспот и мещанин! Не ломайте мне руку! - ответил придушенный женский голос.

Кот не успевал подхватывать вылетающие из-за плаща прежние старенькие платьица, комкать их.

Через минуту на сцене стояли десять умопомрачительно одетых женщин, и весь театр вдруг разразился громовым аплодисментам.

Тут клетчатый потушил огни, убрал зеркала и объявил зычно, что все продано.

И здесь вмешался в дело Аркадий Аполлонович Семплеяров.

- Все-таки нам было бы приятно, гражданин артист, - интеллигентным и звучным баритоном проговорил Аркадий Аполлонович, и театр затих, слушая его, - если бы вы разоблачили нам технику массового гипноза, в частности денежные бумажки.

И, чувствуя на себе взоры тысяч людей, Аркадий Аполлонович поправил пенсне на носу.

- Пардон, - отозвался клетчатый, - это не гипноз, я извиняюсь. И в частности, разоблачать тут нечего.

- Bravo! - рявкнул на галерке бас.

- Виноват, - сказал Аркадий Аполлонович, - все же это крайне желательно. Зрительская масса...

- Зрительская масса, - заговорил клетчатый нахал, - интересуется, Аркадий Аполлонович, вопросом о том, где вы были вчера вечером?

- Bravo! - крикнули на галерке. И тут многие увидели, что лицо Аркадия Аполлоновича страшно изменилось.

- Аркадий Аполлонович вчера вечером был на заседании, - неожиданно сказала надменным голосом пожилая дама, сидящая рядом с Аркадием Аполлоновичем.

- Нон, мадам, - ответил клетчатый, - вы в заблуждении. Выехав вчера на машине на заседание, Аркадий Аполлонович повернул в Третью Мещанскую улицу и заехал к нашей очаровательной артистке Клавдии Парфеновне Гаугоголь...

Клетчатый не успел договорить. Сидящая в той ложе, где и Аркадий Аполлонович, неопикуемой красоты молодая дама приподнялась и, крикнув мощным голосом:

- Давно подозревала! - и размахнувшись, лиловым зонтиком ударила Аркадия Аполлоновича по голове.

- Мерзавка! - вскричала пожилая, - как смела ты ударить моего мужа!

И тут неожиданно кот на задних лапах подошел к рампе и рявкнул так, что дрогнули трапеции под потолком:

- Сеанс окончен! Маэстро, марш!

И ополоумевший маэстро, сам не понимая, что он делает, взмахнул палочкой, и оркестр грянул залихватский, чудовищный, нелепый, нестерпимый марш, после чего все смешалось.

Видно было только одно, что все три артиста, то есть замаскированный, клетчатый и кот, бесследно исчезли.

ПОЛНОЧНОЕ ЯВЛЕНИЕ

Погрозив Иванушке пальцем, фигура прошептала:

- Тсс!..

Иван изумился и сел на постели.

Тут решетка отодвинулась, и в комнату Ивана, ступая на цыпочках, вошел человек лет 35-ти примерно, худой и бритый блондин, с висящим клоком волос и с острым птичьим носом.

Сказавши еще раз: "Тсс", пришедший сел в кресло у Иванушкиной постели и запахнул свой больничный халатик.

- А вы как сюда попали? - спросил шепотом Иван, повинувшись острому осторожному пальцу, который ему грозил, - ведь решеточки-то на замочках?

- Решеточки-то на замочках, - повторил гость, - а Прасковья Васильевна человек добродушный, но неаккуратный. Я у нее ключ стащил.

- Ну? - спросил Иван, заражаясь таинственностью гостя.

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru

- Таким образом, - продолжал пришедший, - выхожу на балкон... Итак, сидим?..

- Сидим, - ответил Иван, с любопытством всматриваясь в живые зеленые глаза пришельца.

- Вы, надеюсь, не буйный? - спросил пришедший. - А то я не люблю драк, шума и всяких таких вещей.

Преображенный Иван мужественно ответил:

- Вчера в ресторане одному типу я засветил по рылу.

- Основание?

- Без основания, - признался Иван.

- Напрасно, - сказал пришедший и спросил отрывисто:

- Профессия?

- Поэт, - неохотно признался Иван. Пришедший расстроился.

- Ой, как мне не везет! - воскликнул он. Потом заговорил:

- Впрочем, простите. Про широкую реку, в которой прыгают караси, а кругом тучный край, про солнечный размах, про ветер, и полевую силу, и гармонию - писали?

- А вы читали? - спросил Иван.

- И не думал, - ответил пришедший, - я таких вещей не читаю. Я человек больной, мне нельзя читать про это. Ужасные стихи?

- Чудовищные, - отозвался Иван.

- Не пишите больше, - сказал пришедший.

- Обещаю, - сказал Иван торжественно. Тут пожали друг другу руки.

Пришедший прислушался испуганно, потом сказал:

- Нет, фельдшерица больше не придет. Из-за чего сели?

- Из-за Понтия Пилата, - сказал Иван.

- Как? - воскликнул пришедший и сам себе зажал рот, испугавшись, что его кто-нибудь услышит. Потом продолжал тише: - Удивительное совпадение. Расскажите.

Иван, почему-то испытывая доверие к неизвестному посетителю, вначале робко, а затем все более расходясь, рассказал вчерашнюю историю, причем испытал полное удовлетворение. Его слушатель не только не выражал никакого недоверия, но, наоборот, пришел в величайший восторг. Он то и дело прерывал Ивана, восклицая: "Ну-ну", "Так, так", "дальше!", "не пропускайте!" А рассказ о коте в трамвае положительно потряс слушателя. Он заставил Ивана подробнейшим образом описывать неизвестного консультанта и в особенности добивался узнать, какая у него борода. И когда узнал, что острая, торчащая из-под подбородка, воскликнул:

- Ну, если это только так, то это потрясающе!

А когда узнал, что фамилия начиналась на букву "w", изменился в лице и торжественно заявил, что у него почти и нет никаких сомнений.

- Так кто же он такой? - спросил ошеломленный Иван.

Но собеседник его сказал, что сообщить он этого пока не может, на том основании, что Иван этого не поймет. Иван почему-то не обиделся, а просто спросил: что же делать, чтобы поймать таинственного незнакомца?

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
На это собеседник расхохотался, зажимая рот самому себе, и только проговорил:

- И не пробуйте!

Затем, возбужденно расхаживая по комнате, заговорил о том, что заплатил бы сколько угодно, лишь бы встретиться с ним, получить кой-какие справки необходимые, чтобы дописать его роман, но что, к сожалению, он нищий, заплатить ничего не может, да и встретить его, этого... ну, словом, того, кого встретил Иван, он, увы, не встретит...

- Вы писатель? - спросил Иван, сочувствуя расстроеному собеседнику.

- Я - мастер, - ответил тот и, вынув из кармана черную шелковую шапочку, надел ее на голову, отчего его нос стал еще острей, а глаза близорукими.

Неизвестный тут же сказал, что он носил раньше очки, но в этом доме очков носить не позволяют и что это напрасно... не станет же он сам себе пилить горло стеклом от очков? Много чести и совершеннейшая нелепость! Потом, увлекшись и взяв с Ивана честное слово, что все останется в тайне, рассказал, что, собственно, только один человек знает, что он мастер, но что, так как она женщина замужняя, то именно ее открыть не может... А что пробовал он его читать кое-кому, но его и половины не понимают. Что не видел ее уже полтора года и видеть не намерен, так как считает, что жизнь его закончена и показываться ей в таком виде ужасно.

- А где она? - спрашивал Иван, очень довольный ночной беседой.

Гость сказал, что она в Москве... Но обстоятельства сложились прекуръезно. То есть не успел он дописать свой роман до половины, как.

- Но, натурально, этим ничего мне не доказали, - продолжал гость и рассказал, как он стал скорбен главой и начал бояться толпы, которую, впрочем, и раньше терпеть не мог, и вот, его привезли сюда и что она, конечно, навестила бы его, но знать о себе он не дает и не даст... Что ему здесь даже понравилось, потому что, по сути дела, здесь прекрасно и, главное, нет людей. Что же касается Ивана, то, по заключению гостя, Иван совершенно здоров, но вся беда в том, что Иван (гость извинился) невежествен, а Стравинский, хотя и гениальный психиатр, но сделал ошибку, приняв рассказы Ивана за бред больного.

Иван тут поклялся, что больше в невежестве коснеть не будет, и осведомился, о чем роман. Но гость не сразу сказал о чем, а хихикая в ночи и поблескивая зелеными глазами, рассказал, что когда прочел Износкову, приятелю редактора Яшкина, то Износков так удивился, что даже ужинать не стал и все разболтал Яшкину, а Яшкину роман не только не понравился, но он будто бы даже завизжал от негодования на такой роман и что отсюда пошли все беды. Короче же говоря, роман этот был про молодого Ешуа Га-Ноцри. Иванушка тут сел и заплакал, и лицо у гостя перекошилось, и он заявил, что повел себя как доверчивый мальчишка, а Износков - Иуда!

- Из Керюта! - пламенно сказал Иван.

- Откуда вы знаете? - удивленно спросил гость, а Иван, отирая слезы, признался, что знает и больше, но вот горе, вот увы! - не все, но страстно желает знать, что случилось дальше-то после того, как Ешуа двинулся с лифостротона, и был полдень.

И что все неважно, и ловить этого удивительного рассказчика тоже не нужно, а нужно слушать лежа, закрыв глаза, про Ешуа, который шел, обжигаемый солнцем, с лифостротона, когда был полдень.

- За полднем, - заговорил гость, - пришел первый час, за ним второй час, и час третий, и так наконец настал самый мучительный - час шестой.

НА ЛЫСОЙ ГОРЕ

Настал самый мучительный час шестой. Солнце уже опускалось, но косыми лучами все еще жгло Лысую Гору над Ершалаимом, и до разбросанных камней нельзя было дотронуться голой рукой.

Солдаты, сняв раскаленные шлемы, прятались под платами, развешанными на концах копий, то и дело припадали к ведрам и пили воду, подкисленную уксусом.

Солдаты томились и, тихо ворча, проклинали ершалаимский зной и трех разбойников, которые не хотели умирать.

Один лишь командир дежурящей и посланной в оцепление кентурии Марк Крысобой, кентурион-великан, боролся со зноем мужественно. Под шлем он подложил длинное полотенце, смоченное водой, и методически, пугая зеленоватых ящериц, которые одни ликовали по поводу зноя, ходил от креста к кресту, проверяя казнимых.

Холм был оцеплен тройным оцеплением. Вторая цепь опоясывала белесую гору пониже и была реже первой, а у подножия горы, там, где начинался пологий подъем на нее, находился спешенный эскадрон.

Сирийцы пропускали всех граждан, которые желали видеть казнь троих, но смотрели, чтобы ершалаимские жители не скоплялись бы в большие толпы и не проходили бы с какой-нибудь поклажей, не учиняли бы каких-либо демонстраций. А за вторую цепь уже не пропускали никого. Бдительность спешенных сирийцев, повязанных чалмами из мокрых полотенец, во вторую половину дня была, в сущности, излишней. Если в первые часы у подножия холма еще были кучки зевак, глядевших, как на горе поднимали кресты с тремя пригвожденными и устанавливали громадный щит с надписью на ... языке "Разбойники", то теперь, когда солнце уходило за Ершалаим, караулить было некого. Меж сирийской цепью и цепью спешенных легионеров находились только какой-то мальчишка, оставивший своего осла на дороге близ холма, неизвестная старуха с пустым мешком, которая, как она бестолково пыталась объяснить сирийцам, желала получить какие-то и чьи-то вещи, и двух собак - одной лохматой желтой, другой - гладкой запаршивевшей.

Но в стороне от гладкого спуска, под корявой и чахлой смоковницей поместился один зритель, который явился к самому началу казни и вот уже пятый час, прикрывшись грязной тряпкой от солнца, сидел под совершенно не отбрасывающей тень смоковницей.

Явившись к началу казни, зритель повел себя странно. Когда процессия поднялась на холм и цепь замкнулась за ней, он сделал наивную попытку, не слушая окриков, подняться следом за легионерами, за что получил страшный удар тупым концом копья в грудь и слетел с ног.

Оглядев ударившего его воспаленными глазами, человек поднялся, собрался с силами и, держась за грудь, тронулся в сторону, пытаясь проникнуть в другом месте, но тут же вернулся, сообразив, что если сделает еще одну попытку, будет арестован, а быть задержанным в этот день в его план не входило.

Он вернулся и утвердился под смоковницей, там, где ротозеи не мешали ему. Место он выбрал так, чтобы видеть вершину с крестами.

Сидя на камне, человек чернобородый, с гноящимися от солнца и бессонницы глазами, тосковал.

Он то, вздыхая, открывал на груди таллиф и обнажал грудь, по которой стекал пот, то глядел в небо и следил за тремя орлами-стервятниками, которые в стороне от холма делали тихие коварные круги или повисали неподвижно над холмом, дожидаясь неизбежного вечера, то вперял безнадежный взор в землю и видел выбеленный собачий череп под ногами и шныряющих веселых ящериц.

Мучения человека были так велики, что иногда он заговаривал вслух сам с собой.

- О, я трус, - бормотал он, от внутренней боли царапая ногтями расшибленную грудь, - падаль, падаль, собака, жалкая тварь, пугливая женщина!.. Глупец! Проклинаю себя!

Он поникал головой, потом оживал вновь, напившись из фляжки тепловатой воды, хватался то за нож, спрятанный за пазухой, то за покрытую воском таблицу. Нож он, горько поглядев на него, прятал обратно, а на таблице украдкой заостренной палочкой выцарапывал слова.

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
На таблице было им выцарапано так.

"Второй час. Я – Левий Матвей нахожусь на Лысой Горе. Ничего".

Далее:

"Третий час. Там же. Ничего".

И теперь Левий безнадежно записал, поглядев на солнце:

"И шестой час ничего".

И от тоски расцарапал себе грудь, но облегчения не получил.

Причина тоски Левия заключалась в той тяжелой ошибке, которую он сделал. Когда Га-Ноцри и других двух осужденных, окруженных конвоем, вели на Лысую Гору, Левий Матвей бежал рядом с конвоем, толкаясь в толпе любопытных и стараясь какими-нибудь знаками показать Ешуа, что он здесь. В страшной сутолоке в городе этого сделать не удалось, но когда вышли за черту города, толпа поредела, конвой на дороге раздался, и Левий дал Ешуа себя увидеть. Ешуа узнал его и вздрогнул, и вопросительно поглядел. Тогда Левия осенила великая мысль, и он сделал Ешуа знак, радостный и успокоительный, такой, что Ешуа поразился.

Левий бросился бежать изо всех сил в сторону, добежал до первой лавчонки и, прежде чем кто-нибудь опомнился, на глазах у всех схватил с прилавка мясной нож и, не слушая криков, скрылся.

Замысел Левия был прост. Ничего не стоило прорваться сквозь редкую цепь идущего конвоя, подскочить к Ешуа и ударить его ножом в грудь, затем ударить себя в грудь. Молясь в быстром беге и задыхаясь, Левий бежал в зное по дороге, догоняя процессию, и опоздал. Он добежал до холма, когда сомкнулась цепь.

В шестом часу мучения Левия достигли такой степени, что он поднялся на ноги, бросил на землю бесполезный украденный нож, бросил деревянную флягу, раздавил ее ногой и, простерши руки к небу, стал проклинать себя.

Он проклинал себя, выкликая бессмысленные слова, рычал и плевался, проклинал своих родителей, породивших глупца, не догадавшегося захватить с собою нож, а более всего проклинал себя адскими клятвами за бесполезный, обнадеживший Ешуа знак.

Видя, что клятвы его не действуют, он, зажмурившись, уперся в небо и потребовал у Бога немедленного чуда, чтобы тотчас же он послал Ешуа смерть.

Открыв глаза, он глянул и увидел, что на холме все без изменений и по-прежнему ходит, сверкая, не поддающийся зною кентурион.

Тогда Левий закричал:

– Проклинаю Бога! – и поднял с земли нож. Но он не успел ударить себя.

Он оглянулся в последний раз и увидел, что все изменилось вокруг. Исчезло солнце, потемнело сразу, пробежал ветер, шевельнув чахлую растительность меж камней, и, как показалось Левию, ветром гонимый римский офицер поднялся между расступившихся солдат на вершину холма.

Левий нож сунул под таллиф и, оскалившись, стал смотреть вверх. Там, наверху, прискакавший был встречен Крысобоем. Прискакавший что-то шепнул Крысобоем, тот удивился, сказал тихо: "Слушаю..." Солдаты вдруг ожили, зашевелились.

Крысобой же двинулся к крестам. С крайнего доносилась тихая хрипая песня. Пригвожденный к нему к концу четвертого часа сошел от мух с ума и пел что-то про виноград, но головой, закрытой чалмой, изредка покачивал, и мухи тогда вяло поднимались с его лица и опять возвращались.

Распятый на следующем кресте качал чаще и сильнее вправо, так, чтобы ударять ухом по плечу, и чалма его размоталась.

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
На третьем кресте шевеления не было. Прокачав около двух часов головой, Ешуа ослабел и впал в забытие. Мухи поэтому настолько облепили его, что лицо его исчезло в черной шевелящейся маске. Жирные слепни сидели и под мышками у него, и в паху.

Кентурион подошел к ведру, взял у легионера губку, обмакнул ее, посадил на конец копья и, придвинувшись к Ешуа, так что голова его пришлась на уровне живота, копьем взмахнул. Мухи снялись с гудением, и открылось лицо Ешуа, совершенно заплывшее и неузнаваемое.

- Га-Ноцри! - сказал кентурион.

Ешуа с трудом разлепил веки, и на кентуриона глянули совсем разбойничьи глаза.

- Га-Ноцри! - важно повторил кентурион.

- А? - сказал хрипло Га-Ноцри.

- Пей! - сказал кентурион и поднес губку к губам Га-Ноцри.

Тот жадно укусил губку и долго сосал ее, потом отвел губы и спросил:

- Ты зачем подошел? А?

- Славь великодушного Кесаря, - звучно сказал кентурион, и тут ветер поднял в глаза Га-Ноцри тучу красноватой пыли.

Когда вихрь пролетел, кентурион приподнял копье и тихонько кольнул Ешуа по мышку с левой стороны.

Тут же висящий рядом беспокойно дернул головой и прокричал:

- Несправедливость! я такой же разбойник, как и он! убей и меня!

Кентурион отозвался сурово:

- Молчи на кресте!

И висящий испуганно смолк. Ешуа повернул голову в сторону висящего рядом и спросил:

- Почему просишь за себя одного?

Распятый откликнулся тревожно:

- Ему все равно. Он в забытии!

Ешуа сказал:

- Попроси и за товарища!

Распятый откликнулся:

- Прошу, и его убей!

Тогда Ешуа, у которого бежала по боку узкой струей кровь, вдруг обвис, изменился в лице и произнес одно слово по-гречески, но его уже не расслышали. Над холмами рядом с Ершалаимом ударило, и Ершалаим трепетно осветило.

Кентурион, тревожно покосившись на грозовую тучу, в пыли подошел ко второму кресту, крикнул сквозь ветер:

- Пей и славь великодушного игемона! - поднял губку, прикоснулся к губам второго и заколол его.

Третьего кентурион заколол без слов, и тотчас, преодолевая грохот грома, прокричал: - Снимай цепь!

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
И счастливые солдаты кинулись с холма. Тотчас взрезало небо огнем и хлынул дождь на Лысый Холм, и снизился стервятник.

НА РАССВЕТЕ

- ...и хлынул дождь и снизился орел-стервятник, - прошептал Иванушкин гость и умолк.

Иванушка лежал неподвижно со счастливым, спокойным лицом, дышал глубоко, ровно и редко.

Когда беспокойный гость замолчал, Иванушка шевельнулся, вздохнул и попросил шепотом:

- Дальше! Умоляю - дальше...

Но гость привстал, шепнул:

- Тсс! - прислушался тревожно. В коридоре послышались тихие шаги. Иванушка приподнялся на локтях, открыл глаза. Лампочка горела радостно, заливая столик розовым светом сквозь колпачок, но за шторой уже светало. Гость, которого вспугнули шаги, уже приготовился бежать, как шаги удалились и стихли.

Тогда гость опять поместился в кресле.

- Я ничего этого не знал, - сказал Иван, тревожась.

- Откуда же вам знать! - рассудительно отозвался гость, - неоткуда вам что-нибудь знать.

- А я, между прочим, - беспокойно озираясь, проговорил Иван, - написал про него стишки обидного содержания, и художник нарисовал его во фраке.

- Чистый вид безумия, - строго сказал гость, - вас следовало раньше посадить сюда.

- Покойник подучил, - шепнул Иван и повесил голову.

- Не всякого покойника слушать надлежит, - заметил гость и добавил: Светает.

- Дальше! - попросил Иван. - Дальше, - и судорожно вздохнул.

Но гость не успел ничего сказать. На этот раз шаги послышались отчетливо и близко.

Собеседник Ивана поднялся и, грозя пальцем, бесшумной воровской походкой скрылся за шторой. Иван слышал, как тихонько щелкнул ключ в металлической раме.

И тотчас голова худенькой фельдшерицы появилась в дверях.

Тоска тут хлынула в грудь Ивану, он заломил руки и, плача, сказал:

- Сжечь мои стихи! Сжечь!

Голова скрылась, и через минуту в комнате Ивана появился мужчина в белом и худенькая с металлической коробкой, банкой с ватой в руке, флаконом. Плачущего Ивана посадили, обнажили руку, по ней потекло что-то холодное как снег, потом кольнули, потом потушили лампу, потом как будто поправили штору, потом ушли.

Тут вдруг тоска притупилась, и самые стихи забылись, в комнате установился ровный свет, бледные сумерки, где-то за окном стукнула и негромко просвистала ранняя птица, Иван затих, лег и заснул.

БОЙТЕСЬ ВОЗВРАЩАЮЩИХСЯ

В то время когда Иванушка, лежа со строгим и вдохновенным лицом, слушал рассказы о том, как Ешуа Га-Ноцри умирал на кресте, финансовый директор "кабаре" Римский вошел в свой кабинет, зажег лампы на столе, сел в облупленное кресло и

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
сжал голову руками.

Здание еще шумело: из всех проходов и дверей шумными потоками выливалась публика на улицу. Директору казалось, хотя до него достигал лишь ровный, хорошо знакомый гул разъезда, что он сквозь запертую дверь кабинета слышит дикий гогот, шуточки, восклицания и всякое свинство.

При одной мысли о том, как могут шутить взволнованные зрители, что они разнесут сейчас по всей Москве, судорога прошла по лицу директора. Он тотчас вспомнил лицо Аркадия Аполлоновича без пенсне с громаднейшим шрамом на правой щеке, лицо скандальной дамы, сломанный зонтик, суровые лица милиции, протокол, ужас, ужас...

Но ранее этого: окровавленный и заплаканный Чембукчи. Как его сажали в такси; ополоумевшие капельдинеры и почему-то с подмигивающими рожами! Отъезд Чембукчи в психиатрическую лечебницу к профессору Стравинскому; ранее этого кот, произнесший человеческим голосом слова... ужас, ужас. Часы на стене пробили - раз - и глянув больными глазами, Римский на циферблате увидел половину двенадцатого.

В то же мгновение до обострившегося слуха финансового директора долетела с улицы отчетливая трель милицейского свистка и явный гогот. Трель повторилась, и лицо директора перекосило, как при зубной боли. Он не сомневался, что эта трель относится непосредственно опять-таки к "Кабаре" и к диким происшествиям этого вечера.

И он ничуть не ошибся.

Кабинет помешался во втором этаже и одной стеной с окном выходил в сад, а другой - на площадь.

С искаженным лицом директор приподнялся и глянул в окно, выходящее на площадь.

- Так я и знал! - испуганно и злобно шепнул Римский.

Прямо под собой, в ярком освещении площадных прожекторов, он увидел даму-блондинку в сорочке, заправленной в шелковые дамские штаны фиолетового цвета, на голове у дамы была шляпенка, сдвинутая на одно ухо, в руках зонтик.

Вокруг дамы стояла толпа, издавая тот самый гогот, который доводил директора до нервного расстройства.

Какой-то гражданин, выпучив глаза, сдирал себя летнее пальто и от волнения никак не мог выпростать руку из рукава, и слова раздетой дамы отчетливо долетели сквозь стекла до исступленного директора:

- Скорей же, дурак!

Едва растерянный, выпучивший глаза гражданин сорвал с себя пальто, как улюлюканье и крики послышались с левой стороны у бокового подъезда, и Римский увидел, как другая дама, одетая совершенно так же, как и первая, с той разницей только, что штаны на ней были не фиолетовые, а розовые, сиганула с тротуара прямо в подъезд, причем за ней устремился милиционер, а за милиционером какие-то жизнерадостные молодые люди в кепках. Они хохотали и улюлюкали.

Усатый лихач подлетел к подъезду и осадил костлявую в яблоках лошадь. Усатое лицо лихача радостно ухмылялось.

Римский хлопнул себя кулаком по голове и перестал смотреть. Он просидел некоторое время молча в кресле, глядя воспаленными глазами в грязный паркет, и дождался того, что здание стихло. Прекратился и скандал на улице.

- "Увезли на лихаче", - подумал Римский, подпер голову руками и стал смотреть на промокательную бумагу. Сейчас у него было только одно неодолимое желание - снять трубку телефона, и какая-то неодолимая сила не позволяла ему это сделать.

Римский был осторожен, как кошка. Он сам не понимал, какой голос шепчет ему "не звони", но он слушался его. Он перевел косящие тревожно глаза на диск с цифрами,

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru и вдруг молчавший весь вечер аппарат разразился громом.

Римский побледнел и отшатнулся. "Что с моими нервами?" – подумал он и тихо сказал в трубку:

– Да.

Голос женский хриплый, развратный и веселый ответил директору:

– С каким наслаждением, о Римский, я поцеловала бы тебя в твои тонкие и бледные уста! Пусть мой гонец передаст тебе этот поцелуй!

Тут голос пропал, сменился свистом, и чей-то бас, очень отдаленно, тоскливо и грозно пропел:

– Голые скалы – мой приют... Римский трясущейся рукой положил трубку, поднялся на дрожащих ногах, беззвучно сказал сам себе:

– Никуда не позвоню постарался, при помощи своей очень большой воли, не думать о странном звонке, взялся за портфель.

Кто-то торопил Римского. Римский ощутил вдруг, что он один во всем здании; и он хотел только одного – сейчас же бежать домой. Он двинулся, часы на стене зазвенели – полночь. С последним ударом дверь раскрылась и в кабинет вошел Варенуха.

Финансовый директор почему-то вздрогнул и отшатнулся. Вид у него был такой странный, что Варенуха справедливо изумился.

– Здорово, Григорий Петрович! – вымолвил Варенуха каким-то не своим голосом. – Что с тобой?

– Как ты меня испугал! – дрожащим голосом отозвался Римский, – вошел внезапно... Ну, говори же, где ты пропадал?!

– Ну, пропадал!.. Там и был...

– Я уж думал, не задержали ли тебя... – принужденно вымолвил Римский.

– Зачем же меня задерживать? – с достоинством ответил Варенуха, просто выясняли дело.

– Ну, ну?..

– Ну, был в Звенигороде, как я и думал, а потом в милицию попал.

– Но как же фотографии?

– Ах, плюнь ты на эти фотографии, – ответил Внучата, отдуваясь, как очень уставший человек, сел в кресло и заслонил от себя лампу афишей.

Тут Римский всмотрелся в администратора и, несмотря на затемненный свет, убедился в том, что администратор очень изменился.

ЧТО СНИЛОСЬ БОСОМУ

С того самого момента, как Никанора Ивановича Босого взяли под руки и вывели в ворота, он не сомневался в том, что его ведут в тюрьму.

И странное, никогда еще в жизни им не испытанное, чувство охватило его. Никанор Иванович глянул на раскаленное солнце над Садовой улицей и вдруг сообразил, что прежняя его жизнь кончена, а начинается новая. Какова она будет, Никанор Иванович не знал, да и не очень опасался, что ему угрожает что-нибудь страшное. Но Никанор Иванович неожиданно понял, что человек после тюрьмы не то что становится новым человеком, но даже как бы обязан им стать. Как будто бы внезапно макнули Никанора Ивановича в котел, вынули и стал новый Никанор Иванович, на прежнего совершенно не похожий.

Вот это-то и есть самое главное, а вовсе не страхи, иногда не оправдывающиеся. Понял это и Никанор Иванович, хотя был, по секрету говоря, тупым человеком. Первые ожидания Никанора Ивановича как будто оправдались: спутники привезли его на закате солнца на окраину Москвы к неприглядному зданию, о котором Никанор Иванович понаслышке знал, что это тюрьма. Следующие впечатления тоже были как будто тюремные. Никанору Ивановичу пришлось пройти ряд скучных формальностей. Никанора Ивановича записали в какую-то книгу, подвергли осмотру его одежду, причем лишили Никанора Ивановича подтяжек и пояса. А после этого все пошло совершенно не так, как представляет себе Никанор Иванович.

Придерживая руками спадающие брюки, Никанор Иванович, вслед за молчаливым спутником, пошел куда-то, по каким-то коридорам и не успел опомниться, как оказался голым и под душем. В то время, пока Никанор Иванович намыливал себя и тер мочалкой, одежда его куда-то исчезла, а когда настало время одеваться, она вернулась, причем была сухая, пахла чем-то лекарственным, брюки стали короче, а рубашка и пиджак съезжились, так что полный Никанор Иванович не застегивал больше ворота.

А далее все сложилось так, что Никанор Иванович впал в полное изумление и пребывал в нем до тех пор, пока не сообразил, что видит сон.

Именно Никанора Ивановича повели по светлым, широким коридорам, в которых из-под потолка лампы изливали ослепительный, радостный и вечный свет.

Никанору Ивановичу смутно показалось, что его подвели к большим лакированным дверям, и тут же сверху веселый гулкий бас сказал:

- Здравствуйте, Никанор Иванович! Сдавайте валюту!

Никанор Иванович вздрогнул, поднял глаза и увидел над дверью черный громкоговоритель. Затем Никанор Иванович очутился в большом зале и сразу убедился, что это театральный зал. Под золоченым потолком сияли хрустальные люстры, на стенах - кенкеты, была сцена, перед ней суфлерская будка, на сцене большое кресло малинового бархата, столик с колокольчиком и черный бархатный задний занавес.

Удивило Никанора Ивановича то, что все это безумно пахло карболовой кислотой.

Кроме того, поразился Никанор Иванович тем обстоятельством, что зрители, а их было по первому взгляду человек полтора, сидели не на стульях, а просто на полу - довольно тесно.

Тут смутно запомнил Никанор Иванович, что все зрители были мужеского пола, все с бородами и с усами, отчего казались несколько старше своих лет.

На Никанора Ивановича никто не обратил внимания, и тогда он последовал общему примеру, то есть уселся на пол, оказавшись между худым дантистом, как выяснилось впоследствии, и каким-то здоровяком с рыжей бородой, бывшим рыбным торговцем, тоже как узналось в свое время.

Глядя с любопытством на сцену, Никанор Иванович увидел, как на ней появился хорошо одетый, в сером костюме, гладко выбритый, гладко причесанный молодой человек с приятными чертами лица.

Зал затих при его появлении, глядя на молодого человека с ожиданием и весельем.

- Сидите? - спросил молодой человек мягким баритоном и улыбнулся залу.

Многие улыбнулись ему в ответ в зале, и послышались голоса:

- Сидим... сидим...

- И как вам не надоест? - удивился молодой человек, - все люди, как люди, ходят по улицам, прекрасная погода, а вы здесь торчите! Ну, ладно!

И продолжал:

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Итак, следующим номером нашей программы – Никанор Иванович Босой, председатель
домового комитета. Попросим его!

И тут громовой аплодисмент потряс ярко освещенный зал.

Никанор Иванович странно удивился, а молодой человек поманил его пальцем, и
Никанор Иванович, не помня себя, очутился на сцене. Тут ему в глаза ударил яркий
цветной свет снизу, из рампы.

– Ну, Никанор Иванович, покажите нам пример, – задушевно заговорил молодой
человек, – и сдавайте валюту.

Зал затих.

Тут Никанор Иванович вспомнил все те страстные, все убедительные слова, которые
он приготовил, пока влекся в тюрьму, и выговорил так:

– Богом клянусь...

Но не успел кончить, потому что зал ответил ему негодующим криком. Никанор
Иванович заморгал глазами и замолчал.

– Нету валюты? – спросил молодой человек, с любопытством глядя на Никанора
Ивановича.

– Нету! – ответил Босой.

– Так, – отозвался молодой человек, – а откуда же появились триста долларов,
которые оказались в сортире?

– Подбросил злодей переводчик! – со страстью ответил Босой и застыл от
удивления: зал разразился диким негодующим воплем, а когда он утих, молодой
человек сказал с недоумением:

– Вот какие басни Крылова приходится выслушивать! Подбросили триста долларов!
Все вы, валютчики! Обращаюсь к вам, как к специалистам! Мыслимое ли дело, чтобы
кто-нибудь подбросил триста долларов?

– Мы не валютчики, – раздались голоса в зале, – но дело это немыслимое.

– Спрошу вас, – продолжал молодой человек, – что могут подбросить?

– Ребенка! – ответил в зале кто-то.

– Bravo, правильно! – сказал молодой человек, – ребенка могут подбросить,
прокламацию, но таких идиотов, чтобы подбрасывали триста долларов, нету в
природе!

И, обратившись к Никанору Ивановичу, молодой человек сказал печально:

– Огорчили вы меня, Никанор Иванович! А я на вас надеялся! Итак, номер наш не
удался.

Свист раздался в зале.

– Мерзавец он! Валютчик! – закричал кто-то в зале, негодуя, – а из-за таких и мы
терпим невинно!

– Не ругайте его! – сказал добродушно молодой человек, – он раскается. – И,
обратив к Никанору Ивановичу глаза, полные слез, сказал:

– Не ожидал я от вас этого, Никанор Иванович!

И, вздохнув, добавил:

– Ну, идите, Никанор Иванович, на место. После чего повернулся к залу и,
позвонив в колокольчик, громко воскликнул:

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
– Антракт, негодяи!

После чего исчез со сцены совершенно бесшумно.

Потрясенный Никанор Иванович не помнил, как протекал антракт. После же антракта молодой человек появился вновь, позвонил в колокольчик и громко заявил:

– Попрошу на сцену Сергея Герардовича Дунчиль!

Дунчиль оказался благообразным, но сильно запущенным гражданином лет пятидесяти, а без бороды – сорока двух.

– Сергей Бухарыч, – обратился к нему молодой человек, – вот уж полтора месяца вы сидите здесь, а между тем государство нуждается в валюте. Вы человек интеллигентный, прекрасно это понимаете и ничем не хотите помочь.

– К сожалению, ничем помочь не могу, валюты у меня нет, – ответил Дунчиль.

– Так нет ли, по крайней мере, бриллиантов, – спросил тоскливо молодой человек.

– И бриллиантов нет, – сказал Дунчиль.

Молодой человек печально повесил голову и задумался. Потом хлопнул в ладоши.

Черный бархат раздвинулся, и на сцену вышла дама, прилично одетая, в каком-то жакете по последней моде без воротника.

Дама эта имела крайне встревоженный вид. Дунчиль остался спокойным и поглядел на даму высокомерно.

Зал с величайшим любопытством созерцал неожиданное и единственное существо женского пола на сцене.

– Кто эта дама? – спросил у Дунчиля молодой человек.

– Это моя жена, – с достоинством ответил Дунчиль и посмотрел на длинную шею без воротника с некоторым отвращением.

– Вот какого рода обстоятельство, мадам Дунчиль, – заговорил молодой человек, – мы потревожили вас, чтобы спросить, нет ли у вашего супруга валюты. Дама встревоженно дернулась и ответила с полной искренностью:

– Он все решительно сдал.

– Так, – отозвался молодой человек, – ну что ж, в таком случае мы сейчас отпустим его. Раз он все сдал, то надлежит его немедленно отпустить, как птицу на свободу. Приношу вам мои глубокие извинения, мадам, что мы задержали вашего супруга. Маленькое недоразумение: мы не верили ему, а теперь верим. Вы свободны, Сергей Герардович! – обратился молодой человек к Дунчилю и сделал царственный жест.

Дунчиль шевельнулся, повернулся и хотел уйти со сцены, как вдруг молодой человек произнес:

– Виноват, одну минуточку!

Дунчиль остановился.

– Позвольте вам на прощание показать фокус! – и молодой человек хлопнул в ладоши.

Тут же под потолком сцены вспыхнули лампы, черный занавес распахнулся, и вздрогнувший Никанор Иванович Босой увидел, как выступила на помост красавица в прозрачном длинном балахоне, сквозь который светилось горячим светом ее тело. Красавица улыбалась, сверкая зубами, играя черными мохнатыми ресницами.

В руках у красавицы была черная бархатная подушка, а на ней, разбрызгивая во все стороны разноцветные искры, покоились бриллианты, как лесные орехи, связанные в

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
единую цепь. Рядом с бриллиантами лежали три толстые пачки, перевязанные
конфетными ленточками.

- Восемнадцать тысяч долларов и кольцо в сорок тысяч золотом, - объявил молодой человек при полном молчании всего театра, - хранились у Сергея Герардовича Дунчиля в городе Харькове в квартире его любовницы, - молодой человек указал на красавицу, - Иды Геркулановны Косовской. Вы, Сергей Герардович, охмуряло и врун, - сурово сказал молодой человек, уничтожая Дунчиля огненным взглядом, - ступайте же теперь домой и постарайтесь исправиться!

Тут дама без воротника вдруг пронзительно крикнула: "Негодяй" - и, меняясь в цвете лица из желтоватого в багровый, из багрового в желтый, а затем в Чисто меловой, Сергей Герардович Дунчиля качнулся и стал падать в обмороке, но чьи-то руки подхватили его. И тотчас по волшебству погасли лампы на сцене, провалилась в люк красавица, исчезли супруги Дунчиля.

21/VI.35. в грозу.

И опять наступил антракт, ознаменов

Раскисший в собственном поту Никанор Иванович открыл глаза, но убедился, что продолжает спать и видит сны. На сей раз ему приснилось, что появились между зрителей повара в белых колпаках и стали раздавать суп. Помнится, один из них был веселый круглолицый и, черпая суп громадной ложкой, все приговаривал:

- Сдавайте, ребята, валюту. Ну чего вам тут на полу сидеть!

Похлебав супу без аппетита, Босой опять вынужден был зажмуриться, так как засверкали лампы на сцене.

Вышедший из бархата молодой человек звучно объявил, что известный артист Прюнин исполнит отрывки из сочинения Пушкина "Скупой рыцарь". Босой хорошо знал фамилию сочинителя Пушкина, ибо очень часто слышал, да и сам говорил: "А за квартиру Пушкин платить будет?" - и поэтому с любопытством уставился на сцену.

А на ней появился весьма пожилой бритый человек во фраке тотчас скроил мрачное лицо и, глядя в угол, заговорил нараспев:

- Счастливей день!..

Фрачник рассказал далее, что сокровища его растут, и делал это столь выразительно, что притихшей публике показалось, будто действительно на сцене стоят сундуки с золотом, принадлежащим фрачнику. Сам о себе фрачный человек рассказал много нехорошего. Босой, очень помрачнев, слышал, что какая-то несчастная вдова под дождем на коленях стояла, но не тронула черствого сердца артиста. Затем фрачник стал обращаться к кому-то, кого на сцене не было, и за этого отсутствующего сам же себе отвечал, причем у Босого все спуталось, потому что артист называл себя то государем, то бароном, то отцом, то сыном, то на "вы", то на "ты". И понял Босой только одно, что артист умер злую смертью, выкликнув: "Ключи! Ключи мои!" и повалившись после этого на колени, хрипя и срывая с себя галстук.

Умерев, он встал, отряхнул пыль с фрачных коленей, улыбаясь поклонился и при жидких аплодисментах удалился.

Молодой человек вышел из бархата и заговорил так:

- Ну-с, вы слышали, граждане, сейчас, как знаменитый артист Потап Петрович со свойственным ему мастерством прочитал вам "Скупого рыцаря". Рыцарь говорил, что резвые нимфы сбегутся" к нему и прочее. Предупреждаю вас, дорогие граждане, что ничего этого с вами не будет. Никакие нимфы к вам не сбегутся, и музы ему дань не принесут, и чертогов он никаких не воздвигнет, и вообще он говорил чепуху. Кончилось со скупым рыцарем очень худо - он помер от удара, так и не увидев ни нимф, ни муз, и с вами будет тоже очень нехорошо, если валюты не сдадите.

И тут свет в лампах превратился в тяжелый красный и во всех углах зловеще закричали рупоры:

- Сдавайте валюту!

22/VI.35.

Поэзия Пушкина, видимо, произвела сильнейшее впечатление на зрителей. Босому стало сниться, что какой-то маленький человек, дико заросший разноцветной бородой, застенчиво улыбаясь, сказал, когда смолкли мрачные рупоры:

- Я сдаю валюту...

Через минуту он был на сцене.

- Молодец, Курицын Владимир! - воскликнул распорядитель, - я всегда это утверждал. Итак?

- Сдаю, - застенчиво шепнул молодец Курицын.

- Сколько?

- Тыщу двести, - ответил Курицын.

- Все, что есть? - спросил распорядитель, и стала тишина.

- Все.

Распорядитель повернул за плечо к себе Курицына и несколько секунд смотрел не отрываясь Курицыну в глаза. Босому показалось, что лучи ударили из глаз распорядителя и пронизывают Курицына насквозь. В зале никто не дышал.

- Верю! - наконец воскликнул распорядитель, и зал дыхнул как один человек. - Верю. Смотрите - эти глаза не лгут!

И верно: мутноватые глаза Курицына ничего не выражали, кроме правды.

- Ну, где спрятаны? - спросил распорядитель, и опять замер зал.

- Пречистенка, 2-й лимонный, дом 103, квартира 15.

- Место?

- У тетки Пороховниковой Клавдии Ильинишны. В леднике под балкой, поворота направо, в коробке из-под сардинок.

Гул прошел по залу. Распорядитель всплеснул руками.

- Видали вы, - вскричал он, - что-либо подобное? Да ведь они же там заплесневеют? Ну мыслимо ли доверить таким людям деньги? Он их в ледник зал сунет или в сортир. Чисто как дети, ей-богу!

Курицын сконфуженно повесил голову.

- Деньги, - продолжал распорядитель, - не в ледниках должны храниться, а в госбанке, в специальных сухих и хорошо охраняемых помещениях. И на эти деньги не теткинны крысы должны любоваться, а на деньги эти государство машины будет закупать, заводы строить! стыдно, Курицын!

Курицын и сам не знал, куда ему деваться, и только колупал ногтем свой вдрызг засаленный пиджачок.

- Ну, ладно, кто старое помянет, - сказал распорядитель и добавил: Да... кстати... за одним разом чтобы... у тетки есть? Ну, между нами? А?

Курицын, никак не ожидавший такого оборота дела, дрогнул и выпучил глаза. Настало молчание.

- Э, Курицын! - ласково и укоризненно воскликнул распорядитель. - А я-то еще похвалил его! А он, на тебе! взял да и засбоил! нелепо это. Курицын! Ведь по

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
лицу видно, что у тетки есть валюта. Зачем же заставлять нас лишний раз машину гонять.

- Есть! - крикнул залихватски Курицын.

- Bravo! - вскричал распорядитель, и зал поддержал его таким же криком "bravo!".

Распорядитель тут же велел послать за коробкой в ледник, заодно, чтобы не гонять машину, захватить и тетку - Клавдию Ильинишну, и Курицын исчез с эстрады.

Далее сны Босого потекли с перерывами. Он то забывался в непрочной дреме на полу, то, как казалось ему, просыпался. Проснувшись, однако, убеждался, что продолжает грезить. То ему чудилось, что его водили в уборную, то поили чаем все те же белые повара. Потом играла музыка.

Босой забылся. Ногами он упирался в зад спящему дантисту, голову повесил на плечо, а затем прислонил ее к плечу рыжего любителя бойцовых гусей. Тот первоначально протестовал, но потом и сам затих и даже всхрапнул. Тут и приснилось Босому, что будто бы все лампы загорелись еще ярче и даже где-то якобы тренькнул церковный колокол. И тут с необыкновенною ясностью стал грезиться Босому на сцене очень внушительный священник. Показалось, что на священнике прекрасная фиолетовая ряса - муар, наперсный крест на груди, волосы аккуратно смазаны и расчесаны, глаза, острые, деловые и немного бегают. Босому приснилось, что спящие зрители зашевелились, зевая, выпрямились, устали на сцену.

Рыжий со сна хриплым голосом сказал:

- Э, да это Элладов! Он, он. Отец Аркадий. Поп-умница, в преферанс играет первоклассно и лют проповеди говорить. Против него трудно устоять. Он как таран.

Отец Аркадий Элладов тем временем вдохновенно глянул вверх, левой рукой поправил волосы, а правой крест и, даже, как показалось Босому, похудев от вдохновения, произнес красивым голосом:

- Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Православные христиане! Сдавайте валюту!

Босому показалось, что он ослышался, он затаил дыхание, ожидая, что какая-то сила явится и тут же на месте разразит умницу попа ко всем чертям. Но никакая сила не явилась, и отец Аркадий повел с исключительным искусством проповедь.

Рыжий не соврал, отец Аркадий был мастером своего дела. Первым же долгом он напомнил о том, что Божие Богу, но кесарево, что бы ни было, принадлежит кесарю.

Возражать против этого не приходилось. Но тут же, сделав искусную фиоритуру бархатным голосом, Аркадий приравнял ныне существующую власть к кесарю, и даже плохо образованный Босой задрожал во сне, чувствуя неуместность сравнения. Но надо полагать, что блестящему риторике - отцу Аркадию - дали возможность говорить, что ему нравится.

Он пользовался этим широко и напомнил очень помрачневшим зрителям о том, что нет власти не от Бога. А если так, то нарушающий постановления власти выступает против кого?..

Говорят же русским языком - "сдайте валюту".

ИСТОРИЯ КОСТЮМА И ПРОЧЕЕ

В бою, когда из строя выбывает командир, команда переходит к его помощнику; ежели выбывает и помощник, принимает команду следующий за ним по должности. Но если и он выбывает?

Короче говоря, расхлебывать все, что произошло в "Кабаре" накануне, пришлось бухгалтеру Василию Степановичу Захарову, который и оказался единственным командиром "Кабаре" и при том тяжелом условии, что вся команда находилась в

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
полном смятении, близком, пожалуй, к панике.

Аккуратнейший человек Захаров прибыл на службу, лишь только стрелка часов показала девять по московскому времени, и, к ужасу своему, застал в помещении "Кабаре" милицию и представителей уголовного розыска. В пять минут десятого прибыли следственные власти.

Дело было неслыханное. Нюра, дежурный накануне ночью капельдинер, была найдена в вестибюле "Кабаре" лежащей в луже крови и с перерезанным горлом. Дело осложнилось дикой и соблазнительной деталью – исчез директор "Кабаре" Степан Лиходеев, исчез финансовый директор Римский и исчез главный администратор Варенуха Николай. Все трое в разное время, но все бесследно.

Захаров был допрошен тут же и поступил, как всякий в его положении, то есть испугался до смерти, все свои усилия направив к тому, чтобы доказать, что он тут вообще ни при чем и ни к чему никакого отношения не имеет. Это ему удалось сделать легко – сразу же стало ясно, что тишайший и скромнейший Василий Степанович, всю жизнь сидевший в бухгалтерии, ни в чем решительно не виноват, а клятвенные его уверения, что он и представления не имеет о том, куда девались директора и администратор, заслуживают полного доверия.

Но руководить "Кабаре" в тот день пришлось все-таки ему. Узнав об этом, Василий Степанович едва в обморок не упал, но его тут же значительно утешило то, что следствие категорически заявило, что сегодняшний спектакль отменяется. Тут же двери "Кабаре" были закрыты, вывешены всюду надписи "Сегодняшний спектакль отменяется", и Захаров, стоя в толпе растерянных и бледных капельдинеров и билетерш, видел, как остроухая собака со вздыбленной шерстью, почему-то оскалившись и рыча, кинулась прямехонько из вестибюля к кабинету финансового директора, встала на задние лапы, а передними начала царапать дверь.

Все население "Кабаре" тихо ахнуло, узнав об этом, а уголовный розыск открыл дверь и впустил знаменитую ищейку. Она повела себя чрезвычайно странно. Во-первых, стала прыгать вверх, а затем, все более раздражаясь и даже тоскливо подвывая, бросилась к окну, выходящему в сад. Окно открыли, и собака высунула морду в него и тут же явно завyla, глядя злыми глазами вверх.

Что дальше происходило, Захаров не знал, так как отправился, куда ему было велено. А велено ему было немедленно добиться в управлении кабаретными зрелищами присылки заместителей Лиходееву, Римскому и Варенухе.

Захаров облегченно вздохнул, когда покинул здание, где совершилось странное злодейство, и вышел на раскаленную солнцем площадь.

Прежде всего он увидел громаднейшую толпу, теснящуюся возле кассовых дыр и читающую с неудовольствием надпись об отмене спектакля. Вспомнив вчерашний необыкновенный спектакль, Захаров пробормотал: "Ну и ну!" – крепче прижал к себе взбухший портфель со вчерашней кассой и направился к стоянке таксомоторов.

Тотчас подошла машина. Но шофер ее мрачно сказал "еду за бензином", и уехал. Второй спросил: "Вам куда?", получил ответ: "На Остоженку", махнул рукой, сказал: "В гараж" и исчез. Захаров терпеливо дождался третьей машины. Третий шофер сказал что-то, что поразило бухгалтера до глубины души, именно:

– Покажите деньги, гражданин.

Захаров, изумляясь, вынул червонец.

– Не поеду! – сказал шофер.

– Я извиняюсь, – сказал Захаров, моргая глазами.

– Пятерки есть? – спросил шофер.

Пораженный Захаров вынул пятерку.

– Садитесь, – сказал шофер, почему-то свирепея.

Когда в пыли и дыму Захаров летел, подпрыгивая на сиденье, он робко осведомился

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
у мрачного возницы:

- А почему это вы насчет червонца?..

- Третий случай сегодня, - отозвался шофер, - третий сукин сын, - и с этим вынул из кармана ярлык с надписью "Абрау-Дюрсо-полусухое". - Дает червонец как миленький, - продолжал рычать шофер, - я ему сдачи три рубля... Вылез, сволочь... Через полчаса смотрю - и шофер скомкал ярлык... - Потом другой - опять червонец... смотрю... Оказывается, в "Кабаре" сиянс вчера сделал какая-то гадюка-фокусник...

Тут Захаров затаил дыхание и сделал вид, что он впервые слышит и самое слово "кабаре", а про себя подумал: "ну и ну!" Шофер же до того расстроил себя воспоминанием, что едва не раздавил какую-то женщину и ее же обругал непечатными словами.

Наконец дотряслись до нужного места. Шофер щупал пятерку, глядел сквозь нее на солнце, что-то ворчал, но дал сдачи рубль, а насчет двугривенного сказал, что двугривенного нету.

Захаров решил не спорить - пусть пропадает двугривенный - лишь бы только скорее сплавить с плеч все это дело и с облегченной душой убраться домой.

Однако так не вышло.

Бухгалтер поднялся по лестнице во второй этаж и только что собирался пройти по коридору в конец к двери, на которой была надпись: "заведующий прием от 2 до 3", как мимо него промчалась курьерша, бормоча что-то вроде... "вот так-так!", и скрылась. Лишь только показалась заветная дверь, бухгалтер остановился, как будто прилип к полу, и выпучил глаза. Дверь была полуоткрыта и вся облеплена людьми. Они прилипли к щелям, и лица у них были искаженные. Потом вдруг вся компания кинулась бежать и рассеялась в явном ужасе, кто куда. Загремели двери по коридору. Захаров отчетливо слышал, как визгнула женщина, а пронесшийся мимо него знакомый заведующий сектором был в таком состоянии, что явно не узнавал людей.

"Распекает?" - подумал Захаров и, движимый неодолимой силой, заглянул в дверь. Заглянув, тут же сел на стул, потому что ноги подкосились.

В комнате теперь находились трое. Блистающая красотой женщина с размазанной губной краской по подбородку и заплаканным лицом, сам Захаров и третий был шевиотовый костюм с самопишущим пером в борту пиджака, и костюм этот помещался за столом заведующего в кресле.

Увидев Захарова, красавица, в которой нетрудно было узнать личную секретаршу заведующего, взрыдала, а затем и вскричала:

- О, Боже! Боже! Боже! Да где же он?

Тут грянул телефон на столе и холодный пот потек по спине бухгалтера. Костюм, протянув руку, снял трубку, поднес ее к пустоте над воротником и голосом, совершенно похожим на голос заведующего, взревел: "да!". Затем захлопал рукавом по столу и закричал раздраженно: "двадцать раз я говорил, чтоб они прислали мне, лично мне!" Тут швырнул трубку на вилку и, уставившись на Захарова, спросил грозно:

- В чем дело, товарищ? Я не принимаю!

Красавица вскочила и, указывая рукой на костюм, рыдая и топоча ножками, вскричала:

- Вы видите?! Видите? Спасите его, верните! О, Боже! - стала ломать руки.

Из коридора донеслись тревожные голоса, затем кто-то сунулся в дверь, охнул, кинулся бежать.

- Я всегда останавливала, когда он чертыхался, в отчаянии кричала красавица, терзая носовой платок, - вот и дочертыхался! Проша!

- Кто вам тут "Проша"? - спросил страшным голосом костюм.

- Не узнает! Не узнает! - взрыдала красавица.

- Попрошу не кричать в кабинете, - заходясь, сказал костюм в полоску.

Красавица зажала рот платком, а костюм невидимой кистью подтянул к себе пачку бумаг и стал размашисто и косо ставить какие-то пометки на бумагах.

"Резолюции ставит!" - подумал бухгалтер, и волосы его шевельнулись.

Красавица еще что-то пискнула, но костюм так злобно рыкнул, что она умолкла. Но, движимая желанием рассказать, она зашептала Захарову:

- Приходит сегодня какая-то сволочь толстая, похож на кота, и прямо ломит в кабинет... Я говорю: "Вы видите надпись, гражданин?" А он влез, говорит: "Я уезжаю сейчас..." Ну, Прохор Наумич, он человек нервный несколько. Вспылит. Он добрейшей души человек, но нервный. "Понимаете вы русский язык, товарищ? Что вам надо?" А этот нахал отвечает, вообразите: "Я пришел с вами поболтать!" Как вам это покажется? А? Ну, тут Прохор Наумич не вытерпел и крикнул: "Да вывести его вон, чтоб меня черти взяли!" Тут, вообразите, этот негодяй, улыбнулся, и в ту же минуту Прохор Наумич исчез, а костюм... - и здесь красавица разрыдалась и затем понесла какую-то околесину о том, что нужно немедленно звонить, про каких-то врачей, уголовный розыск...

Захаров вдруг поднялся, задом скользнул в дверь и, чувствуя, что близок к умопомешательству, покинул управление. И очень вовремя, по лестнице навстречу ему поднялась милиция. Другой на месте Захарова уже тут сообразил бы, что на сегодняшний день лучше выйти из игры и никуда больше не ходить, но бухгалтер, во-первых, был недалеко, а во-вторых, добросовестен. Проклятый портфель, в котором лежало 17 тысяч вчерашней кассы, жег ему руки. Захаров, чего бы это ни стоило, хотел сдать казну и поэтому пешком, в известковой пыли, пробежал с Остоженки в Ваганьковский переулок и явился в отдел сметы и распределения того же управления с целью избавиться от денег, распивавших портфель.

Отдел сметы разместился в облупленном особняке и замечателен был своими колоннами. Но не порфиновые колонны в этот знаменитый день поражали посетителей отдела.

В вестибюле сбилась целая кучка их и, открыв рты, глядела на барышню, продающую под колонной литературу. Барышня эта плакала и что-то злобно пыталась рассказать. Второе из ряда вон выходящее обстоятельство заключалось в том, что из всех комнат особняка неслся непрерывный грохот телефонов, к которым, по-видимому, никто не подходил.

Лишь только Захаров оказался в вестибюле, барышня прервала рассказ, истерически крикнула: "Опять!" - и вдруг запела дрожащим сопрано:

- Славное море, священный Байкал!

Курьер, показавшийся на лестнице со стаканами на подносе, выругался коротко и скверно, расплескал чай и запел в тон барышне:

- Славен корабль, омулевая бочка!..

Через несколько секунд во всех комнатах пели служащие про славное море. Хор ширился, гремел, в финансово-счетном секторе особенно выделялись два мощных баса. Аккомпанировал хору усилившийся грохот телефонных аппаратов и плач девицы.

- Молодцу плыть недалечко! - рыдая и стараясь стиснуть зубы, пела девица.

Курьер пытался прервать пение, вставляя матерные слова, но это ему плохо удавалось.

Прохожие в переулке стали останавливаться, пораженные весельем, доносившимся из учреждения. Группа посетителей под колоннами, дико вытаращив глаза, смотрела на

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru поющую девицу. Улыбки блуждали по лицам. Лишь только первый куплет пришел к концу, пение оборвалось, курьер получил возможность выругаться, выпустил несколько ругательств подряд, схватил поднос и исчез.

Тут в парадных дверях показался гражданин, при котором тут же в группе посетителей зашептали "доктор... доктор приехал"... и двое милицейских.

- Примите меры, доктор! - истерически крикнула девица.

Тут же на лестницу выбежал секретарь и, видимо сгорая от стыда и растерянности, начал говорить:

- Видите ли, доктор, у нас случай массового... - но не кончил, стал давиться словами и вдруг запел неприятным козлиным тенором о том, что Шилка и Нерчинск нестрашны теперь...

- Дурак! Дурак! - крикнула девица, но не объяснила, кого ругает, а вывела руладу, из которой явствовало, что горная стража ее не поймала.

Недоумение разлилось по лицу врача, но он постарался совладать с собой и сурово прикрикнул на секретаря:

- Замолчите!

Видно было по всему, что секретарь и сам бы отдал все на свете, чтобы замолчать, но сделать этого не мог и, могучий, рассеянный по всему учреждению хор вместе с секретарем донес до вконец соблазненных ваганьковских прохожих вопль о том, что в дебрях не тронул прожорливый зверь.

Девицу поволокли куда-то под руки, явился лекарский помощник с сумкой.

Захаров через минуту от взволнованных посетителей учреждения узнал в чем дело.

Оказалось, что в перерыве, предназначенном по закону для завтрака, заведующий учреждением явился в столовую как раз в тот момент, когда все служащие доедали питательную и вкусную свинину с бобами.

Заведующий, по словам озлобленной девицы, сиял как солнце и вел под руку какого-то "сукина сына, неизвестно откуда взявшегося" (так том но выразилась девица), тощего в паршивых брючках и в разбитом пенсне.

Дело в том, что устройство кружков было манией заведующего. В течение полугода он организовал шахматно-шашечный кружок, кружок пинг-понга, любителей классической литературы, духовой музыки (последний быстро распался, так как проворовался кассир, игравший на валторне) и к июню угрожал организовать кружок гребли на пресных водах и альпинистов. Коротко говоря, заведующий ввел под руку Коровьева и отрекомендовал его всем любителям бобов как товарища-специалиста по созданию хороших кружков. Лица будущих альпинистов стали мрачны. Но заведующий призвал всех к бодрости, а Коровьев тут же и пошутил, и поострил, и клятвенно заверил, что времени пение берет самую малость: "На ходу! на ходу! - трещал Коровьев, - но удовольствия и пользы три вагона". И тут "этот подхалим Косарчук" (выражение девицы) первый вскочил и восторженно заявил, что записывается. Тут все увидели, что пения не миновать, и, как один, записались. Петь решили, так как все остальное время было занято пинг-понгом и шашками, в этом самом для завтрака перерыве.

Заведующий, чтобы подать пример, объявил, что у него тенор, и далее все пошло как сон скверный (девица так говорила). Коровьев проорал "до-ми-соль-до", самых застенчивых извлек из-за шкафов, за которые они прятались в надежде отлынуть, Косарчуку сказал, что у того абсолютный слух, заныл, попросил уважить старого регента-певуна грянуть "Славное море", камертоном стучал по пальцу.

Было 12. Грянули. И славно грянули, Коровьев действительно понимал дело. Первый куплет допели в столовой до конца, после чего Коровьев исчез.

Недоумение, Пауза. Радость. Но ненадолго. Как-то сами собой двинули второй куплет, Косарчук повел высоким хрустальным тенором. Хотели остановиться - не тут-то было. Пауза. Полился третий куплет. Поняли, что беда. Заведующий стал

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
бледен, как скатерть в столовой.

Через час был скандал, неслыханный, страшный, всемосковский скандал.

К трем часам занятия были остановлены милицией. Врачи сделать ничего не могли. Захаров был уже на улице, когда к особняку подъехали три грузовых платформы.

Милиция распорядилась очень хорошо: весь состав учреждения восемьдесят семь человек – разбили на три партии и на этих трех грузовиках и увезли. Способ был умный, простой и наименее соблазнительный.

Лишь только первый грузовик, качнувшись, выехал за ворота, улицы огласились пением про славное море, и никому из прохожих и в голову не пришло, куда везут распевшихся служащих из отдела смет и распределения. Но, конечно, не трудно догадаться, что все три хора приехали как раз в то здание, которым руководил профессор Стравинский.

Появление такой большой партии больных вызвало смятение. Стравинский начал, кажется, с того, что всем приехавшим были даны большие дозы снотворного. А дальнейшая судьба несчастных жертв Коровьева москвичам неизвестна. Что касается Захарова, то он все-таки добился неприятности. Он добрался со своим портфелем до главного коллектора зрелищ облегченного типа, написал по форме приходный ордер и вывалил кассиру все пачки денег, которые привез в портфеле.

Лишь только кассир макнул пальцы в алюминиевую тарелочку, в которой плавала губка, обнаружилось, что пачки состоят частью из резаной газетной бумаги, частью из денежных знаков различных стран, как-то: долларов канадских, гульденов голландских, лат латвийских, иен японских и других.

На вопрос о том, что это значит, Захаров ничего не мог сказать, ибо у него отнялся язык. Его немедленно арестовали.

6/VII. 36 г.

Загорянск.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЛЕТ

Была полночь, когда снялись со скалы и полетели. Тут мастер увидел преобразование. Скакавший рядом с ним Коровьев сорвал с носа пенсне и бросил его в лунное море. С головы слетела его кепка, исчез гнусный пиджачишко, дрянные брючонки. Луна лила бешеный свет, и теперь он заиграл на золотых застежках кафтана, на рукояти, на звездах шпор. Не было никакого Коровьева, невдалеке от мастера скакал, колот звездами бока коня рыцарь в фиолетовом. Все в нем было печально, и мастеру показалось даже, что перо с берета свешивается грустно. Ни одной черты Коровьева нельзя было отыскать в лице летящего всадника. Глаза его хмуро смотрели на луну, углы губ стянуло книзу. И, главное, ни одного слова не произносил говоривший, не слышались более назойливые шуточки бывшего регента.

Тьма вдруг налетела на луну, жаркое фырканье ударило в затылок мастеру. Это Воланд поравнялся с мастером и концом плаща резнул его по лицу.

– Он неудачно однажды пошутил, – шепнул Воланд, – и вот, осужден был на то, что при посещениях земли шутит, хотя ему и не так уж хочется этого. Впрочем, надеется на прощение. Я буду ходатайствовать.

Мастер, вздрогнув, всмотрелся в самого Воланда, тот преобразался постепенно, или, вернее, не преобразался, а лишь точнее и откровеннее обозначался при луне. Нос его ястребино свесился к верхней губе, рот вовсе сполз на сторону, еще острее стала раздвоенная из-под подбородка борода. Оба глаза стали одинаковыми, черными, провалившимися, но в глубине их горели искры. Теперь лицо его не оставляло никаких сомнений – это был он.

Вокруг кипел и брызгал лунный свет, слышался свист. Теперь уж летели в правильном строю, как понял мастер, и каждый, как надо, в виде своем, а не чужом.

Первым – Воланд, и плащ его на несколько саженей трепало по ветру полета, и

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
где-то по скалам еще летела за ним тень.

Бегемот сбросил кошачью шкуру, оставил лишь круглую морду с усами, был (в) кожаном кафтане, в ботфортах, летел веселый по-прежнему, свистел, был толстый, как фальстаф.

На фланге, скорчившись, как жокей, летел на хребте скакуна, звенел бубенцами, держал руку убийцы на ноже огненно-рыжий Азazelло.

Конвой воронов, пущенных, как из лука, выстроившись треугольником, летел сбоку, и вороны глаза горели золотом огнем.

Не узнал Маргариту мастер. Голая ведьма теперь неслась в тяжелом бархате, шлейф трепало по крупу, трепало вуаль, сбруя ослепительно разбрызгивала свет от луны.

Амазонка повернула голову в сторону мастера, она резала воздух хлыстом, ликовала, хохотала, манила, сквозь вой полета мастер услышал ее крик:

- За мной! Там счастье!

Очевидно, она поняла что-то ранее мастера, тот подскочил к Воланду ближе и крикнул:

- Куда ты влечешь меня, о великий Сатана? Голос Воланда был тяжел, как гром, когда он стал отвечать.

- Ты награжден. Благодарю, благодарю бродившего по песку Ешуа, которого ты сочинил, но о нем более никогда не вспоминай. Тебя заметили, и ты получишь то, что заслужил. Ты будешь жить в саду, и всякое утро, выходя на террасу, будешь видеть, как гуще дикий виноград оплетает твой дом, как цепляясь ползет по стене. Красные вишни будут усыпать ветви в саду. Маргарита, подняв платье чуть выше колен, держа чулки в руках и туфли, вброд будет переходить через ручей.

Свечи будут гореть, услышишь квартеты, яблоками будут пахнуть комнаты дома. В пудреной косе, в стареньком привычном кафтане, стуча тростью, будешь ходить гулять и мыслить.

Исчезнет из памяти дом на Садовой, страшный Босой, но и исчезнет мысль о Га-Ноцри и о прощенном игемоне. Это дело не твоего ума. Ты никогда не поднимешься выше, Ешуа не увидишь. Ты не покинешь свой приют. Мы прилетели. Вот Маргарита уже снизилась, манит тебя. Прощай!

Мастер увидел, как метнулся громадный Воланд, а за ним взвилась и пропала навсегда свита и боевые черные вороны. Горел рассвет, вставало солнце, исчезли черные кони. Он шел к дому, и гуще его путь и память оплетал дикий виноград. Еще был какой-то отзвук от полета над скалами, еще вспоминалась луна, но уж не терзали сомнения, и угасал казнимый на Лысом Черепе, и бледнел и уходил навеки, навеки шестой прокуратор Понтийский Пилат.
Конец.

КРАТКИЕ КОММЕНТАРИИ

Автограф хранится в ОР РГБ, к. 6, ед. хр. 5-8, впервые опубликовано в книге: Булгаков М. Великий канцлер. М., Новости, 1992. Публикация В. И. Лосева. Публикуется по расклейке этой книги, сверенной с автографом, хранящимся в ОР РГБ. В свертке принимал участие В. И. Лосев.

21 сентября 1934 года Булгаков начал писать предпоследнюю главу романа "Ночь", в последующие дни сентября роман был в основном завершен, правда, он оставил его на полуслове, но почувствовал, что замысел сложился окончательно. Многие еще было не дописано, возникали новые подробности, детали, но впервые перед нами предстал роман от первой и до последней главы. Исследователи считают эту публикацию романа третьей его редакцией, а публикуемые здесь главы - четвертой. Третья и четвертая редакции романа составляют первую полную его редакцию. Эти годы, 1934-1936, были очень насыщенными для Булгакова: принимал участие в репетициях "Мольера", завершал киносценарии "Ревизор" и "Мертвые души", пьесы "Иван Васильевич" и "Александр Пушкин", первый вариант либретто оперы "Минин и Пожарский", поэтому роману мог уделять лишь свободное время. Может быть, этим можно объяснить и тот удивительный факт, что о романе в дневнике Е. С. Булгакова даже не упоминает. Вполне возможно, что опасалась упоминать: время было тяжелое,

Мастер и Маргарита (переписанные главы). Михаил Афанасьевич Булгаков bulgakovmikhail.ru
шли аресты неугодных властью имущим, публиковались жесткие статьи,
прорабатывающие "отступников" от большевистской идеологии. И в письмах этого
периода Булгаков о романе тоже не упоминает.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://bulgakovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!